
Трофей для горца
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
KRIS

L Kris
Трофей для горца

https://litres.ru/74837993
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты обещал помочь! А сам похитил меня! Это разве помощь?!

Тамерлан оборачивается, прожигая меня взглядом, от которого по телу пробегает озноб.

— Помощь. Спасение от Батыра. Теперь ты здесь, под моей защитой.

— Под защитой?! Я в заложниках!

— Ты мой трофей в этой войне, докторша. Батыр хотел тебя? Получил отказ. Я тебя забрал! Показал, кто настоящий хозяин этих земель. И теперь ты станешь моей женой. Хочешь ты того или нет.

— Не стану! Я не вещь! Не трофей!

— Смирись и будь послушной, тогда не пострадаешь. Станешь моей женой по-хорошему, будешь жить в достатке, никто тебя не тронет. Будешь сопротивляться – научишься жить по законам гор. А они суровы, докторша. Очень суровы.

— Ты мне отвратителен! Вы оба звери, которые считают, что можно просто взять женщину силой!

— Ошибаешься! Я беру тебя, чтобы сделать своей. Навсегда. И дам тебе выбор: покорись добровольно, и я буду мужем, а не хозяином. Или сопротивляйся, и узнаешь, что значит быть женой горца, взятой силой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

L Kris
Трофей для горца

Глава 1

МИЛАНА.

Автобус останавливается на пыльной площади, окруженной невысокими домами и горами, которые кажутся настолько близкими, что хочется протянуть руку и коснуться их вершин. Я выхожу, ощущая, как затекшие за долгую дорогу ноги едва держат меня, и глубоко вдыхаю горный воздух. Три дня пути от Москвы – автобусы, пересадки, тряска на разбитых дорогах, но ни капли сожаления. Только облегчение.

Я делаю это. Наконец-то вырываюсь из той жизни, которая душила меня все это время.

Оглядываясь вокруг, невольно улыбаюсь. Село маленькое, затерянное среди скал и зелени, словно время здесь остановилось лет тридцать назад. Никакой суеты, никаких бесконечных пробок, никаких лживых лиц, которые улыбаются тебе в глаза, а за спиной втыкают нож.

Москва остается позади. Вместе с ней год работы в душной поликлинике, где я была просто очередным винтиком в системе. Вместе с ней мой бывший парень Андрей, который клялся в любви, а сам трахал мою лучшую подругу Све-

ту в нашей же квартире, пока я сутками пропадала на работе. Вместе с ней и родители, которые даже после всего этого умудрились сказать, что я сама виновата: *«Надо было за мужчиной следить, а не в больницах торчать»*.

Следить за мужчиной. Боже.

Я сжимаю ручку чемодана сильнее и шагаю по главной улице, сверяясь с адресом в телефоне. Программа по привлечению врачей в сельскую местность оказывается моим спасением – деньги на обустройство, небольшой домик в горах и работа, которая, как я надеюсь, вернет мне смысл того, зачем я вообще пошла в медицину. Не ради денег и престижа, а чтобы помогать людям.

Домик находится быстро. Он крохотный, с двумя комнатами, но чистый и уютный, с видом на горы из единственного окна спальни. До больницы, как и обещали, пять минут неспешным шагом. Я оставляю вещи и отправляюсь знакомиться с новым местом работы.

«Больницей» это можно назвать с большой натяжкой. Одноэтажное здание с облупившейся краской и вывеской «Фельдшерско-акушерский пункт» скромно ютится между жилыми домами. Внутри пахнет хлоркой и чем-то еще, характерным для всех медицинских учреждений – смесью лекарств, страха и надежды.

Я толкаю дверь и оказываюсь в узком коридоре. Справа – регистратура, где полная женщина средних лет дремлет над какими-то бумагами. Слева – несколько дверей с табличка-

ми: «Педиатр», «Хирург», «Процедурный кабинет». В конце коридора виднеется еще одна дверь с табличкой «Терапевт» – моя.

Моя. Впервые в жизни у меня будет собственный кабинет, где я буду врачом, а не практиканткой или стажером, на которую все норовят свалить самую грязную работу.

— Вы, наверное, новый доктор? – женщина из регистратуры поднимает голову, окидывая меня оценивающим взглядом.

— Да, я Милана Сергеевна Краснова, – протягиваю руку. – Терапевт.

— Зарема, – она пожимает мою руку, но в ее глазах читается настороженность. – Главврач уже ждет вас. Там, в конце, кабинет справа.

Киваю, и направляюсь по коридору, чувствуя, как сердце бьется быстрее. Почему я нервничаю? Документы в порядке, назначение официальное, все по закону. Но что-то в тоне Заремы, в ее взгляде заставляет меня насторожиться.

Постучав в дверь кабинета главврача, слышу грубое «Войдите» и шагаю внутрь.

За столом сидит мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми усами и тяжелым взглядом темных глаз. Кавказец, это видно с первого взгляда. У него широкие скулы, орлиный нос, осанка человека, привыкшего к власти и уважению. Он не встает при моем появлении, лишь откидывается на спинку стула, скрещивая руки на груди.

— Доктор Краснова? – его голос низкий, с характерным акцентом.

— Да, здравствуйте. Милана Сергеевна, – стараюсь говорить уверенно, хотя его взгляд буквально сверлит меня. – Я прибыла по программе...

— Знаю, по какой программе, – перебивает он, махнув рукой. – Садитесь.

Я сажусь на край стула напротив его стола, ощущая себя школьницей на ковре у директора.

— Я – Амир Султанович Гаджиев, главный врач центральной районной больницы. Этот фельдшерский пункт входит в мое ведомство, – он продолжает разглядывать меня, и мне становится все более некомфортно. – Должен сказать сразу: я был против вашего назначения.

Я моргаю, не ожидая такой прямоты.

— Простите, но почему? Мои документы...

— Документы здесь не причем, – отрезает Амир Султанович. – Вы русская девушка, молодая, да еще и выглядите... вызывающе. Это недопустимо в нашей местности. Вы понимаете, куда приехали?

Вызывающе? Я смотрю на себя – джинсы, простая белая рубашка с длинным рукавом, волосы собраны в хвост, минимум косметики. Что в этом вызывающего?

— Я врач, – говорю я, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри уже закипает злость. – И моя внешность не имеет отношения к моим профессиональным качествам. Если

вы были против моего назначения, то почему не заблокировали его?

— Потому что решение принималось выше меня, – в его голосе звучит недовольство. – Но раз уж вы здесь, то должны соблюдать правила. Никакой откровенной одежды, никакого макияжа, никакого привлечения внимания мужчин. Здесь не Москва, здесь свои законы, свои традиции. И если вы их нарушите, проблемы будут у вас, а не у меня. Я предупредил.

— Я не собираюсь нарушать никаких законов, – мой голос становится тверже. – Я приехала работать, лечить людей. И если у вас есть какие-то конкретные требования к дресс-коду, пожалуйста, изложите их официально, в письменном виде, чтобы я знала, на что ориентироваться. Но обвинять меня в чем-то до того, как я вообще приступила к работе, считаю несправедливым.

Амир Султанович прищуривается, словно не ожидает, что я буду возражать.

— Характер у вас, вижу, боевой, – произносит он после паузы. – Это здесь не поможет. Вы будете работать под моим руководством, выполнять мои указания и не спорить со старшими. У нас уважение к авторитетам – не пустой звук. Запомните это.

— Я буду выполнять свои профессиональные обязанности согласно должностной инструкции, – отвечаю я, не отводя взгляда. – И уважать буду тех, кто заслуживает уважения своими делами, а не просто возрастом или должностью.

Повисает тяжелое молчание. Я понимаю, что нарываюсь на конфликт с первых же минут, но не могу просто сидеть и слушать, как меня обвиняют в том, чего я не делала. Достаточно. В Москве я терпела, здесь точно не буду.

— Ладно, – наконец, произносит главврач, поднимаясь. – Посмотрим, как вы справитесь. Ваш кабинет в конце коридора, ключи у Заремы. График работы стандартный – с восьми до пяти, суббота и воскресенье выходные, если нет вызовов или дежурств. Вызовы обязательны, отказывать нельзя. Педиатр Лейла, хирург Магомед – познакомитесь. Медсестры Фатима и Айша. Все вопросы решаете со мной. И еще раз: веди себя скромно. Здесь каждый твой шаг будут обсуждать.

Он выходит, даже не попрощавшись, оставляя меня наедине с букетом противоречивых чувств. Злость, обида, но и упрямство – я не уеду. Ни за что. Пусть хоть все будут против меня, я докажу, что достойна быть здесь.

Следующий час проходит в знакомстве с кабинетом. Он оказывается даже лучше, чем я ожидала – небольшой, но светлый, с письменным столом, кушеткой для осмотра, шкафом для лекарств и медицинской картотекой. Окно выходит во двор, где растут старые яблони.

Я раскладываю свои немногочисленные вещи, стетоскоп, тонометр, папку с документами, и чувствую, как напряжение понемногу отступает. Это мое. Мой кабинет, моя работа, моя новая жизнь.

Медсестры Фатима и Айша заглядывают минут через два-

дцать. Обе молодые, в платках, с любопытными глазами. Они вежливы, но сдержанны, явно оценивают новую докторшу из Москвы. Мы обмениваемся базовыми фразами о графике, об особенностях работы, о том, где что находится. Чувствуется, что они держат дистанцию, но враждебности нет. Уже хорошо.

Я только начинаю разбирать картотеку, когда в дверь стучат. Уверенно, властно.

— Войдите, – отзываюсь я, поднимая голову.

Дверь распахивается, и на пороге появляется мужчина. Высокий, широкоплечий, лет тридцати, в дорогой черной рубашке и джинсах. Темные волосы, жесткие черты лица, взгляд, который сразу же скользит по мне с нескрываемым интересом. За его спиной маячит еще одна фигура – охранник или телохранитель, судя по массивному телосложению и настороженному выражению лица.

Мужчина входит, не дожидаясь приглашения, и прикрывает за собой дверь, оставляя спутника в коридоре.

— Здравствуй, красавица, – хрипло произносит он, с характерным кавказским акцентом. – Ты, значит, новый доктор?

Я встаю из-за стола, чувствуя, как мгновенно напрягаются мышцы.

— Здравствуйте. Да, я врач-терапевт Милана Сергеевна Краснова, – отвечаю я максимально официальным тоном. – Чем могу помочь? Вы на прием?

— На прием? – он усмехается и, не спрашивая разрешения, усаживается на край моего стола, буквально нависая надо мной. – Можно сказать и так. Я Батыр Русланович Магомаев. Тебе это имя должно что-то говорить.

Я хмурюсь, пытаясь вспомнить, слышала ли я эту фамилию. Нет, не слышала.

— Извините, но нет, – признаюсь я. – Должно?

Некий Батыр начинает смеяться, откинув голову назад.

— Ох, москвичка, москвичка! Ничего, быстро научишься. Я главный в этом селе. Моя семья здесь правит уже много поколений. Мой отец – старейшина, мои братья контролируют все дела в округе. То есть то, что я скажу – закон. Понятно?

— Понятно, что вы считаете себя важной персоной, – отвечаю я, скрестив руки на груди. – Но это не отменяет того, что если вы пришли на прием, то прошу садиться на стул, а не на мой стол, и изложить суть жалоб.

Его усмешка становится шире.

— Жалоб у меня нет, докторша. Я пришел познакомиться и сразу предупредить: моя семья – особенная. Если кому-то из нас понадобится врач, ты приедешь к нам домой. Немедленно, как только позовут. Неважно, день это или ночь, выходной или рабочий день. Понятно?

Чувствую, как внутри снова разгорается злость.

— Домашние вызовы осуществляются в экстренных случаях и согласно графику дежурств, – говорю я четко. – Если

это действительно экстренная ситуация, то, конечно, я приеду. Если это плановый осмотр, то в рабочее время, здесь, в кабинете. Это стандартная медицинская практика.

— Стандартная практика? – Батыр спрыгивает со стола, шагая ко мне. Слишком близко, настолько, что чувствую запах его дорогого парфюма и инстинктивно отступаю, упираясь спиной в шкаф. – Здесь нет никаких стандартов, кроме тех, что устанавливаю я. Главврач твой, Амир Султанович, в курсе. Можешь у него спросить. Магомаевы – особая семья, и к нам особое отношение. Запомни это.

— Я врач, а не прислуга, – мой голос дрожит от возмущения. – И не позволю никому диктовать мне, как делать свою работу.

— Ого, какая огненная, – Батыр медленно обводит меня взглядом, и в его глазах появляется откровенный интерес, граничащий с похотью. Он рассматривает меня так, словно я не человек, а вещь, которую он оценивает перед покупкой. – Знаешь, мне нравятся такие. С характером. Их ломать особенно приятно.

Я задыхаюсь от наглости.

— Выйдите из моего кабинета. Немедленно.

— Выйду, – усмехается негодяй и проводит пальцем по краю моего стола, медленно, словно лаская. – Но знай: ты мне понравилась, докторша. Очень понравилась. Даже не прочь заболеть ради такого дела. Может, навещу тебя как-нибудь вечером? Проверишь мое давление, пульс... и все

остальное.

Его взгляд скользит по моей фигуре так откровенно, что я чувствую себя раздетой.

— Если у вас проблемы со здоровьем, записывайтесь на прием через регистратуру, – цежу сквозь зубы. – А сейчас уходите, или я вызову полицию.

— Полицию? – Батыр смеется. – Ты вообще понимаешь, где находишься? Здесь я и есть закон. И полиция, и суд, и все остальное. Но ладно, не буду тебя пугать в первый день. Освоишься, поймешь, как тут все устроено. И еще увидимся, красавица. Обязательно увидимся.

Он направляется к двери, оборачивается на пороге и подмигивает мне.

— Добро пожаловать в наше село, Милана Сергеевна. Надеюсь, тебе здесь понравится.

Дверь закрывается за ним, и я наконец-то выдыхаю, осознавая, что все это время задерживала дыхание.

Руки дрожат. Сердце колотится.

Во что я, черт возьми, ввязалась?

Я опускаюсь на стул, чувствуя, как подкашиваются ноги. Главврач, который считает меня вызывающей и заранее настроен против. Батыр, который смотрит на меня как на добычу, и открыто заявляет, что здесь его слово – закон.

Может, стоило остаться в Москве? Может, я совершаю ошибку?

Нет. Я качаю головой, прогоняя сомнения. Нет, я не вер-

нусь. Не после всего, что там было. Здесь я хотя бы смогу заниматься тем, что люблю. А с местными правилами и «особыми» семьями разберусь…. Как-нибудь…

Встаю, расправляю плечи и возвращаюсь к картотеке.

Новая жизнь только начинается. И я не позволю никому сломить меня.

Даже если весь мир будет против.

Глава 2

ТАМЕРЛАН.

— Ты слышал, что этот ублюдок опять лезет на наши земли?! — голос Руслана гремит по всему кабинету, отражаясь от каменных стен нашего родового дома.

Я сижу в кресле, сцепив пальцы в замок, и смотрю на старшего брата. Он ходит по комнате как раненый зверь, его лицо перекошено от ярости. Понимаю его. Я сам готов разнести все к чертям, когда речь заходит о Магомаевых.

— Слышал, — коротко бросаю в ответ. — И что ты предлагаешь? Снова пойти с оружием? Снова проливать кровь?

— А что еще остается?! — Руслан разворачивается ко мне, его темные глаза горят. — Сколько лет мы пытаемся решить это мирно? Сколько раз делили земли? Даже твою двоюродную сестру Амину я отдал его брату в жены! Думали, родство остановит их. Хрен! Они все равно считают себя хозяевами всего!

Встаю, подхожу к окну. Отсюда видны горы, наши горы, земли, политые кровью предков. Земли, за которые мой отец умер, защищая их от Магомаевых. И его отец. И отец его отца. Бесконечная война двух кланов, которая длится уже больше века.

— Амина наша сестра, но она уже не Темирханова, — говорю я, не оборачиваясь. — Она жена Магомаева. Она будет

стоять на их стороне, если что. Родство ничего не значит, когда речь идет о земле и власти.

— Вот именно! — Руслан бьет кулаком по столу. — Поэтому я и говорю: хватит церемоний. Батыр опять начал качать права, ведет себя как единоличный хозяин. Это наша земля, Тамерлан! Наша!

Поворачиваюсь к нему, чувствуя, как внутри разгорается привычная, тяжелая злость.

— Я знаю. И я не собираюсь отдавать ее.

— Тогда действуй, — Руслан шагает ко мне, его взгляд жесткий. — Ты младший, но ты умнее меня в этих делах. Придумай что-нибудь, иначе придется снова собирать людей и идти войной.

В дверь стучат. Один раз, коротко. Я оборачиваюсь:

— Войди.

Дверь открывается, и внутрь заходит Арсен, мой человек. Тот, кто следит за всем, что происходит в селе. У меня везде свои осведомители – в больнице, в школе, в магазинах. Я должен знать все, что творится на моей земле.

— Тамерлан, есть новости, — говорит Арсен, бросая короткий взгляд на Руслана. — Про Батыра.

— Говори, — приказываю я.

— Сегодня он ходил в фельдшерский пункт. К новой докторше, русской. Милана, кажется, зовут. Заявился, права качал, говорил, что она должна ездить к его семье по первому зову. Медсестры все слышали, передали.

Я чувствую, как скулы сводит от злости.

— На моей земле? В больнице, которая стоит на моей земле, он смеет диктовать условия?

— Именно, — кивает Арсен. — И еще... он открыто домогался до нее. Говорил, что она ему нравится, что не прочь заболеть ради такого дела. Девушка его выгнала, но он сказал, что еще вернется.

Руслан усмехается:

— Вот сука. Уже и за бабами на твою территорию лезет.

Я молчу, обдумывая информацию. Фельдшерский пункт стоит на нашей земле. Формально, по всем документам и по праву предков – это наша территория. Магомаевы оспаривают это уже десятилетиями, но факт остается фактом. И если Батыр начинает там хозяйничать, значит, он снова проверяет границы. Смотрит, как далеко может зайти.

Нельзя это спустить.

— Эта докторша, — говорю я, поворачиваясь к Арсену. — Где она живет?

— Дом дали программный, на окраине села. Маленький, двухкомнатный. Адрес знаю.

— Отлично, — я расправляю плечи и иду к двери. — Руслан, не собирай пока людей. Сначала попробую по-другому.

— Как? — брат хмурится.

— Увидишь, — бросаю через плечо и выхожу.

***

Дом докторши нахожу быстро. Арсен не ошибся – малень-

кий, скромный, в конце улицы. Окна светятся теплым желтым светом. Я подхожу к двери и стучу. Три раза, настойчиво.

Внутри слышатся шаги, затем женский голос:

— Кто там?

— Открывай.

Пауза. Потом дверь распахивается, и на пороге появляется она. Милана. Та самая докторша, из-за которой уже начинаются проблемы.

Я мгновенно оцениваю ее – среднего роста, русые волосы распущены по плечам, большие голубые глаза широко распахнуты от удивления и легкого испуга. Она в домашней одежде, мягких штанах и футболке, без макияжа, но все равно... красивая. Очень красивая. Неудивительно, что Батыр на нее запал.

— Вы кто? — спрашивает она, инстинктивно делая шаг назад.

Нагло переступаю порог, не дожидаясь приглашения, и закрываю за собой дверь.

— Я Тамерлан Ахмедович Темирханов, — произношу по слогам, глядя ей прямо в глаза. — Хозяин этой земли.

Она отступает еще на шаг, и я вижу, как напрягается ее тело. Хорошо. Пусть боится, так будет проще.

— Я не приглашала вас войти, — произносит она, и я отмечаю, что голос дрожит, но она пытается говорить твердо. Характер. Интересно. — Выйдите, пожалуйста.

— Нет, — отвечаю я коротко и прохожу дальше в комнату, оглядываясь.

Обстановка скромная. Диван, стол, книжная полка с медицинской литературой. На столе ноутбук, чашка недопитого чая. Окно без штор, за ним темнеют горы. Она действительно только приехала, еще не успела обустроиться.

— Мы поговорим, — добавляю я, оборачиваясь к ней.

— У меня нет желания ни с кем говорить! — ее злость начинает перевешивать страх, я вижу это по тому, как она сжимает кулаки. — Что за манеры?! Врываться в чужой дом без разрешения!

Останавливаюсь посреди комнаты, и смотрю на нее. Она действительно не понимает, где оказалась. Типичная москвичка, привыкшая к законам и правилам большого города. Здесь такие долго не выживают.

— Ты работаешь на моей земле, — говорю я, и намеренно делаю паузу после каждого слова, чтобы до нее дошел смысл. — Фельдшерский пункт стоит на территории, которая принадлежит моему клану. А значит, все, кто там работают, подчиняются мне. В том числе ты.

— Я никому не подчиняюсь! — она почти кричит, и я вижу, как ее щеки краснеют от гнева. — Я врач, я работаю по государственной программе! И ваши местечковые разборки меня не касаются!

Государственная программа. Я почти усмехаюсь. Она действительно верит, что какие-то бумаги защитят ее здесь.

— Касаются, — мой голос становится жестче, потому что пора показать ей реальность. — Более того, теперь ты будешь докладывать мне обо всех визитах Магомаевых. О каждом. Особенно Батыра. Если он снова придет к тебе, если пригласит в свой дом – я должен знать. Все, что происходит на моей земле, я контролирую.

Ее глаза расширяются, и я вижу в них неподдельный шок. В комнате повисает тишина. Девчонка стоит, как вкопанная, хлопая длинными ресницами.

— Вы хотите, чтобы я шпионила?! — голос срывается на высокой ноте. — Чтобы доносила на пациентов?! Вы в своем уме?!

— Вполне, — я делаю шаг к ней, и она автоматически пятится назад, пока не упирается спиной в стену.

Я подхожу ближе. Слишком близко для вежливости, но мне плевать на вежливость. Мне нужно, чтобы она поняла, с кем имеет дело.

— И не смей повышать на меня голос, докторша, — говорю я тихо, нависая над ней. — Я не Батыр, который будет терпеть твои капризы.

— Капризы?! — она смотрит на меня снизу вверх, и в ее глазах горит огонь. Не страх, а именно ярость. — Я требую элементарного уважения! Я не успела приехать, как столкнулась с какими-то дикими законами! Сначала главврач обвиняет меня в том, что я вызывающе выгляжу, потом какой-то хмырь заявляет, что я должна бегать к нему по первому зо-

ву, теперь вы требуете, чтобы я стала вашим информатором! Что за бред?! Это XXI век, а вы ведете себя как... как...

— Как хозяева своей земли, — заканчиваю я за нее и делаю еще один шаг.

Теперь между нами остается всего несколько сантиметров. Я чувствую ее запах – что-то цветочное, легкое, совсем не подходящее для этих суровых мест. Вижу, как быстро бьется пульс на ее шее, как дрожат губы, как расширяются зрачки.

— Ты приехала в горы, докторша, — продолжаю, не отводя взгляда. — Здесь свои правила. Здесь власть не у государства, не у законов, которые ты знаешь. Здесь власть у тех, чьи предки проливали кровь за каждый клочок земли. У меня. И у Магомаевых, которые пытаются отобрать то, что мне принадлежит.

— Я не часть вашей войны! — ее голос дрожит, и я вижу, как в уголках глаз блестят слезы.

Но она не плачет. Держится. Это... неожиданно. Большинство женщин уже давно бы расклеились.

— Теперь часть, — отчеканиваю каждое слово, намеренно делая паузу, давая словам дойти до нее. — Хочешь ты этого или нет. Батыр уже заинтересовался тобой. А это значит, что ты стала фигурой в нашей игре. И либо ты будешь на моей стороне, либо...

— Либо что? — она шепчет, и я вижу, как ее руки дрожат.

Я наклоняюсь ближе. Настолько близко, что чувствую теп-

ло ее кожи, ее дыхание на своем лице. Настолько близко, что если бы я захотел, мог бы...

Нет. Не сейчас. Не для этого я здесь.

— Либо я сделаю так, что у тебя не останется выбора, — произношу тихо, но четко.

Воздух между нами накален. Я вижу, как она сглатывает, как ее грудь поднимается, и опускается в учащенном ритме. Она боится, но все еще держится, все еще смотрит мне в глаза, пусть и со страхом, но не отводит взгляда.

Интересная женщина, слишком интересная для моего спокойствия. Мать твою, эта докторша мне определенно нравится!

— Ты будешь докладывать мне обо всем, — продолжаю я, отстраняясь на шаг, чтобы дать ей возможность вдохнуть. — Когда Батыр придет, что будет говорить, что предложит. Если он пригласит тебя в свой дом, то ты пойдешь. Осмотришься, запомнишь, сколько там людей, где охрана, какие комнаты. И расскажешь мне. Все до мелочей.

— Я... я не стану этого делать, — говорит она, но даже я слышу неуверенность в ее голосе.

— Станешь, — перебиваю ее с абсолютной уверенностью. — Потому что альтернатива тебе не понравится. Запомни, докторша: ты на моей земле. И здесь мое слово – закон. Не государство, не какие-то программы. Я. И чем быстрее ты это поймешь, тем лучше для тебя.

Я разворачиваюсь и иду к двери. Разговор окончен. Я ска-

зал все, что нужно. Остальное – ее дело. Либо она подчинится, либо... ну, есть и другие способы заставить ее сотрудничать. Менее приятные для нее.

На пороге останавливаюсь и оборачиваюсь, чувствуя, как она провожает меня напуганным взглядом. Она стоит у стены, бледная, с широко распахнутыми глазами, но все еще не сломленная. Еще держится.

— Завтра жди моего человека, — говорю я. — Он даст тебе номер телефона, по которому будешь докладывать. И да, докторша...

Я позволяю себе усмехнуться, хотя на душе тяжело. Не люблю вмешивать женщин в наши разборки, но выбора нет. Батыр первый сделал ход, значит, я должен ответить.

— Добро пожаловать в реальность. Надеюсь, ты быстро адаптируешься. Потому что в горах выживают только сильные. А слабых... ломают.

Выхожу, закрывая за собой дверь, и делаю глубокий вдох холодного вечернего воздуха.

Она будет сотрудничать. Должна. Потому что если Батыр действительно положил на нее глаз, то скоро начнутся проблемы. И мне нужно знать каждый его шаг.

Хотя... я снова вспоминаю ее лицо, ее взгляд, полный огня и упрямства. Вспоминаю, как она не отступила, даже когда я нависал над ней. Как держалась, хотя было видно, что боится.

Может быть, Батыр не единственный, кому она интересна.

Может быть, эта москвичка станет проблемой не только для Магомаевых, но и для меня.

Но пока думать об этом рано. Сейчас у меня одна задача – защитить свою землю. Любой ценой.

Даже если для этого придется использовать красивую докторшу с большими голубыми глазами и характером бойца.

Сажусь в машину и набираю номер Арсена.

— Завтра утром отправишь Тимура к докторше, — приказываю я. — Пусть даст ей телефон и объяснит, как связываться. И пусть напомнит, что отказ – не вариант.

— Понял, — отвечает Арсен. — Что-то еще?

— Да. Усиль наблюдение за домом Магомаевых. Хочу знать каждый их шаг. Если Батыр снова полезет к докторше, я должен знать об этом немедленно.

— Будет сделано.

Отключаюсь и завожу машину. Дорога домой занимает пятнадцать минут, но я еду медленно, обдумывая ситуацию.

Батыр делает первый ход, заявляясь на мою территорию. Это не просто интерес к женщине – это провокация. Он проверяет, как далеко может зайти. И если я не отреагирую, он зайдет еще дальше.

Но я отреагирую. Обязательно.

И Милана Краснова, нравится ей это или нет, станет частью моего плана.

Глава 3

МИЛАНА.

Я не сплю всю ночь. Лежу на диване, уставившись в потолок, и прокручиваю в голове вчерашний вечер снова и снова.

Тамерлан Темирханов. Хозяин земли. Мое слово – закон.

Господи, во что я ввязалась? Проклятье какое-то! За что не возьмусь, все через задницу.

Сердце до сих пор бешено колотится, руки дрожат, когда я вспоминаю его лицо – жесткое, беспощадное, с этим холодным взглядом темных глаз. Он нависал надо мной, таким огромным, таким опасным, и я чувствовала себя загнанной в угол мышью перед хищником.

Страх. Я боюсь. Признаюсь себе честно. Черт, да я до смерти напугана.

Переворачиваюсь на бок, обхватывая подушку. За окном уже светлеет, но я все еще не могу успокоиться. Мысли мечутся в голове, как птицы в клетке.

Может, мне стоит уехать? Прямо сейчас собрать вещи и уехать? К черту эту программу, к черту деньги, к черту все. Я вернусь в Москву, найду какую-нибудь работу, снова начну с нуля.

Но... в Москве меня ждет Андрей. Он наверняка уже живет со Светой в нашей съемной квартире, в нашей постели. Ждут родители с их бесконечными упреками: *«Мы же гово-*

рили, что ты сама виновата». Ждет та же душная, серая жизнь, где я была никем.

Нет. Я качаю головой, выбрасывая эту мысль. Нет, я не вернусь. Лучше здесь, со всеми этими дикими законами и опасными мужчинами, чем там, где меня предали самые близкие люди.

Я встаю, умываюсь холодной водой, пытаясь привести себя в чувство. Смотрю в зеркало, и вижу бледное лицо, темные круги под глазами, растрепанные волосы. Выгляжу ужасно. Но на работу идти надо.

Сегодня у меня суточное дежурство. Двадцать четыре часа в фельдшерском пункте, без возможности вернуться домой. Я собираю сумку – бутерброды, термос с чаем, книгу, сменную одежду. Руки все еще дрожат, но я стараюсь не думать о том, что сегодня придет человек Тамерлана.

Может, не придет? Может, он передумал?

Но я знаю, что это глупая надежда. Тамерлан не из тех, кто передумывает.

Рабочий день начинается в восемь утра, и уже к половине девятого перед моим кабинетом выстраивается очередь. Люди, узнав, что наконец-то появился врач-терапевт, ринулись на прием. Кто-то с хроническими болячками, кто-то за рецептами, кто-то просто из любопытства – посмотреть на новую докторшу из Москвы.

Я принимаю их одного за другим, стараюсь быть вежливой, тактичной, особенно со стариками, которых очень мно-

го. Они рассказывают о своих болезнях подробно, со всеми деталями, не спешат. И я не тороплю их, хотя понимаю, что физически не успеваю всех принять.

Бабушка с высоким давлением. Дедушка с болями в суставах. Женщина средних лет с мигренью. Подросток с простудой. Еще одна бабушка, которая просто хочет поговорить, потому что одиноко.

Внимательно слушаю, выписываю рецепты, даю рекомендации. Работа отвлекает. Когда я занята пациентами, я не думаю о Тамерлане, о Батыре, о том кошмаре, в который превратилась моя жизнь за два дня.

К обеду очередь не уменьшается. Я делаю короткий перерыв, съедаю бутерброд, запиваю остывшим чаем и возвращаюсь к приему.

— Следующий! — громко зову, просматривая карту очередного пациента.

Дверь открывается, и внутрь заходит мужчина. Немолодой, лет пятидесяти, коренастый, с седыми висками и жестким лицом. Он одет просто – джинсы, куртка, но держится уверенно, как человек, привыкший к власти.

— Здравствуйте, проходите, садитесь, — говорю я, указывая на стул напротив. — Как вас зовут?

— Тимур, — коротко бросает он, усаживаясь напротив и не сводя с меня внимательного взгляда.

— Тимур, хорошо. На что жалуетесь?

Мужчина молчит несколько секунд, словно обдумывая от-

вет, а затем усмехается.

— Жалоб нет, доктор. А у вас?

Я замираю, сжав ручку в руке. Сердце пропускает удар.

— Простите, я не поняла...

— Думаю, поняли, - хмыкает он.

Тимур достает из кармана небольшой мобильный телефон и кладет его на мой стол.

— От Тамерлана Ахмедовича. Один номер в контактах. Будете звонить. Все понятно?

Я смотрю на телефон, потом на него. Во рту пересыхает.

— Я... я не могу...

— Можете, — он встает, и я вижу в его глазах холодную решимость, такую же, как у Тамерлана. — Это не просьба, доктор. Это приказ. Телефон всегда держите при себе. Если кто-то из Магомаевых появится, то сразу звоните. Сразу, понятно?

Он не ждет ответа. Просто разворачивается и выходит, закрывая за собой дверь.

Я остаюсь сидеть, уставившись на телефон. Простой, кнопочный, старой модели. На столе он выглядит как бомба замедленного действия.

Руки снова дрожат. Я беру телефон, открываю контакты. Один номер. Без имени, просто цифры.

Боже, что мне делать?

Я сжимаю телефон в руке, чувствуя, как внутри поднимается паника. Я не хочу быть частью этого, не хочу быть шпи-

онкой, не хочу докладывать о своих пациентах.

Но у меня есть выбор?

Тамерлан сказал: либо я с ним, либо он сделает так, что у меня не останется выбора. И судя по Тимуру, он не шутил.

Прячу телефон в карман халата и зову следующего пациента.

Надо работать, просто работать, чтобы не думать. Потом... потом я решу, что делать.

***

Ночь в фельдшерском пункте оказывается кошмаром. Вызовов нет, пациентов нет, и я остаюсь одна в пустом здании. Медсестры ушли домой в восемь вечера, и теперь здесь только я.

Пытаюсь хоть как-то устроиться в своем кабинете, но дивана нет. Есть только жесткое офисное кресло, в котором невозможно даже толком сесть, не то что выспаться. Я кручусь, меняю позу, подкладываю под голову сумку, но все бесполезно. Каждая мышца болит, спина ноет, шея затекла.

А еще – страх. Он не отпускает ни на минуту. Я постоянно вздрагиваю от каждого шороха, от скрипа половиц, от завывания ветра за окном. Мне кажется, что кто-то ходит по коридору, что сейчас дверь откроется и...

И что? Тамерлан снова придет? Или Батыр?

Я не знаю, кого боюсь больше.

Телефон лежит в кармане халата, и я то и дело проверяю, на месте ли он. Словно он может исчезнуть сам собой. Или

словно я жду, что он зазвонит.

Но он молчит.

Дремлю урывками, проваливаясь в беспокойный сон, полный кошмаров. Мне снится Тамерлан, его холодный взгляд, его хриплый голос. А еще снится Батыр с его похотливой усмешкой, что я бегу от него по горам, и я не могу убежать...

Резкий звук распахнувшейся двери вырывает меня из сна.

Я вскакиваю с кресла, сердце колотится так, что кажется, вырвется из груди.

Черт! В дверях стоит Батыр.

Он в той же дорогой черной рубашке, но волосы растрепаны, лицо перекошено от страха и ярости. Он тяжело дышит, словно бежал.

— Ты! — он указывает на меня пальцем. — Быстро! Собирайся! Едешь со мной!

Я отступаю, прижимаясь спиной к стене.

— Что?! Нет, я...

— Моему отцу плохо! — кричит он, и в его голосе слышится настоящий страх. — Ему плохо, понимаешь?! Скорая еще не приехала, а ему хуже! Ты поедешь сейчас же!

— Я... я не могу покинуть дежурство, — мой голос дрожит. — Позвоните в скорую еще раз, я дам рекомендации по телефону...

Батыр делает два шага вперед, и хватает меня за руку. Его пальцы сжимаются.

— Ты поедешь, — шипит он, наклоняясь к моему лицу.

— Сейчас же. Или я сделаю так, что пожалеешь. Мой отец – старейшина, понимаешь?! Если с ним что-то случится, а ты откажешься помочь, тебя отсюда выгонят за день! И это в лучшем случае!

Я пытаюсь вырваться, но он держит крепко.

— Вы делаете мне больно! Отпустите!

— Поедешь? — его глаза горят, и я вижу в них не похоть, как вчера, а страх. Настоящий, неподдельный страх за отца.

Я колеблюсь. С одной стороны – я врач. Клятва Гиппократа. Если человеку плохо, я должна помочь, неважно, кто он.

С другой стороны – Тамерлан. Он сказал докладывать обо всем. Особенно если меня пригласят в дом Магомаевых.

А если я откажусь ехать? Что тогда? Батыр выполнит свою угрозу? Меня действительно выгонят?

И... что, если старик действительно умрет, потому что я отказалась?

Я не смогу с этим жить.

— Хорошо, — шепчу я, и Батыр тут же отпускает мою руку. — Я поеду, но мне нужно взять сумку.

— Быстрее! — он уже разворачивается к двери. — Времени нет!

Я хватаю медицинскую сумку, накидываю куртку и бегу за ним. В коридоре он оборачивается:

— И чтобы ни слова никому! Понятно? Если узнаю, что ты кому-то рассказала...

Я киваю, не в силах говорить.

Мы выходим на улицу. У входа стоит черный внедорожник с тонированными стеклами, за рулем – тот же охранник, что был с Батыром вчера. Батыр открывает заднюю дверь, буквально заталкивая меня внутрь.

— Поехали! — бросает он водителю, садясь рядом со мной.

Машина срывается с места, и я вжимаюсь в сиденье, сжимая сумку на коленях.

Я еду в дом Магомаевых. В дом врагов Тамерлана. В дом людей, которых он ненавидит больше всего на свете.

А телефон, который дал мне Тимур, лежит в кармане халата.

И я должна... я должна позвонить Тамерлану. Доложить.

Но когда? Как? Батыр сидит рядом, не сводит с меня глаз.

И что будет, если он узнает?

Машина петляет по горным дорогам, набирая скорость. За окнами мелькают огни села, а потом – только темнота и силуэты гор.

Я закрываю глаза, чувствуя, как внутри все сжимается от страха.

Что я наделала? Во что ввязалась?

И как мне теперь выбраться из этой западни живой?

Глава 4

МИЛАНА.

Машина несется по горной дороге, и с каждой минутой внутри меня нарастает тревога.

Что-то не так. Что-то определенно не так.

Я смотрю на Батыра. Он сидит рядом, напряженный, но на его лице уже нет того панического страха, который был несколько минут назад в фельдшерском пункте. Он смотрит в окно, постукивая пальцами по колену, и его губы изогнуты в едва заметной усмешке.

Усмешке?!

Человек, чей отец при смерти, не улыбается. Даже слегка.

Интуиция, которая спасала меня не раз, вдруг бьет тревогу. Что-то не так. Он везет меня не к отцу.

— Как давно вашему отцу стало плохо? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, профессионально.

Батыр медленно поворачивает голову ко мне.

— Минут сорок назад.

— А скорую вызвали?

— Вызвали.

— И что сказали диспетчеры? Сколько ждать?

Он молчит несколько секунд, и этого молчания достаточно, чтобы мои худшие опасения подтвердились.

— Скорая в пути, — наконец отвечает он.

— Какие симптомы у отца? Боли в груди? Затрудненное дыхание? Потеря сознания?

— Доктор, — Батыр поворачивается ко мне всем корпусом, и в его взгляде я вижу холодное спокойствие. — Хватит вопросов. Приедем – увидишь сама.

— Нет, — я сжимаю ручку сумки сильнее. — Мне нужно знать симптомы сейчас, чтобы подготовить правильные препараты. Если это сердечный приступ, мне нужны одни лекарства, если инсульт – другие. Так что отвечайте: какие симптомы?

Батыр усмехается. И это окончательно меня пугает.

— Ты умная, докторша. Слишком умная. Мне это нравится.

Сердце начинает колотиться быстрее.

— Что... что происходит? Куда вы меня везете?

Он не отвечает, лишь кивает водителю. Машина резко сворачивает с дороги, въезжая на узкую лесную тропу. Ветки скребут по стеклам, внедорожник трясет на ухабах.

— Стойте! — я хватаюсь за ручку двери. — Куда мы едем?! Останавливайте машину!

— Скоро остановимся, — спокойно отвечает Батыр.

Паника захлестывает меня волной. Я пытаюсь открыть дверь, но она заблокирована. Как сумасшедшая, дергаю ручку снова и снова, бесполезно.

— Отпустите меня! Немедленно! Это похищение! Вас посадят за это!

— Посадят? — Батыр смеется. — Доктор, ты все еще не понимаешь, где находишься? Здесь меня никто не посадит. Здесь я – закон.

Машина останавливается посреди леса. Темнота за окнами густая, непроглядная. Только фары освещают стволы деревьев и клубы тумана.

Батыр выходит, обходит машину и открывает мою дверь.

— Выходи.

— Нет, — шепчу, прижимаясь к противоположной стороне сиденья. — Я никуда не пойду.

Он наклоняется, и в свете салона я вижу его лицо – жесткое, решительное, без следа того страха, который был раньше.

— Выходи сама, или я вытащу тебя силой. Выбирай.

Я смотрю на водителя, но он даже не оборачивается, сидит за рулем, словно ничего не происходит. Помощи ждать неоткуда.

Выхожу из машины, ноги едва держат. Батыр берет меня за локоть и ведет дальше в лес, подальше от машины. Я спотыкаюсь о корни, но он тащит меня вперед, не замедляя шага.

— Пожалуйста, — шепчу я, и голос срывается. — Пожалуйста, не надо. Я врач, я просто хотела помочь...

— Помочь? — он останавливается, разворачивает меня лицом к себе. — Ты и поможешь, докторша. Себе и мне.

Мы стоим среди деревьев, и единственный источник све-

та – это лунный свет, пробивающийся сквозь ветки. Я вижу лицо Батыра, его глаза, полные уверенности и чего-то еще. Желания.

— Что вам нужно? — спрашиваю я, и слезы уже подступают к горлу. — Деньги? У меня нет денег. Я только приехала...

— Деньги? — он усмехается, делая шаг ближе. — Мне не нужны деньги, красавица. Мне нужна ты.

Я замираю, не веря своим ушам.

— Что?

— Ты мне понравилась, — его голос становится мягче, почти нежным. — С первого взгляда понравилась. Необычная девушка для этой местности. Красивая, умная, с огнем в глазах, а я привык получать все необычное.

— Вы... вы с ума сошли...

— Вовсе нет, — Батыр проводит пальцем по моей щеке, и я вздрагиваю от отвращения. — Я абсолютно здоров. И предложение мое вполне разумное. Выходи за меня замуж, докторша. Стань моей женой.

Я отшатываюсь, едва не падая.

— Что?! Нет! Вы больной?! Я вас даже не знаю!

— Узнаешь, — он делает еще шаг, сокращая расстояние. — У нас будет время. Много времени. А пока знай: как моя жена ты будешь жить, как сыр в масле. Тебе ни в чем не будет отказа. Хочешь – займешь место главврача, этого старого Амира выгоним к чертям. Хочешь – поедем в Москву,

покажешь мне свою столицу. Хочешь – я построю тебе новую больницу, самую современную. Все, что захочешь – будет твоим.

— Я не хочу ничего этого! — кричу я, и мой голос эхом отражается от деревьев. — Я хочу домой! Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое!

— Не можешь ты хотеть меня оставить, — его голос твердеет. — Потому что альтернативы нет. Ты станешь моей женой. Хочешь – добровольно, и тогда все будет хорошо. Не хочешь...

Он замолкает, и это молчание страшнее любых слов.

— Что тогда? — шепчу я.

— Тогда станешь моей женой по-плохому, — Батыр наклоняется ближе, так близко, что я чувствую его дыхание на своем лице. — Я возьму тебя силой. Женюсь на тебе по всем нашим законам, и ты станешь моей собственностью. Навсегда. И тогда никакого главврача, никакой Москвы, никаких подарков. Тогда будешь сидеть дома, рожать детей и молчать. Понятно?

Слезы наконец срываются. Я плачу, не в силах сдержаться.

— Почему вы так со мной? Что я вам сделала?

— Ничего, — он выпрямляется и смотрит на меня сверху вниз. — Ты просто красивая. И ты понравилась мне. Этого достаточно. Здесь, в горах, мужчина берет то, что хочет. И я беру тебя.

— Нет, — качаю я головой. — Нет, я не выйду за вас.

Никогда. Лучше умру.

Батыр молчит несколько секунд, глядя на меня. Затем его лицо каменеет.

— Ладно, — произносит он холодно. — Как хочешь. Думай. У тебя есть время до завтра. Завтра вечером я приду за тобой. И если ты не скажешь «да», я возьму тебя силой. При свидетелях, по всем обычаям. И тогда ты будешь моей женой, хочешь ты этого или нет. Потому что здесь так положено – если мужчина взял женщину, она должна выйти за него замуж. Иначе – позор на всю семью.

— Я... я пожалуюсь в полицию...

— Пожалуешься, — кивает он. — И они ничего не сделают. Потому что здесь мой отец – закон. Моя семья – закон. А ты – никто. Приезжая докторша, которая сама виновата, что так вызывающе себя ведет.

Он разворачивается и идет обратно к машине.

— Стойте! — кричу я. — Куда вы?! Не оставляйте меня здесь!

Батыр оборачивается на мгновение.

— Подумай о моем предложении, докторша. До завтра. А пока... прогуляйся. Село в часе ходьбы по этой дороге. Если выживешь в лесу, конечно.

— Нет! — я бросаюсь за ним, но он уже садится в машину.

Дверь захлопывается, двигатель ревет, и внедорожник разворачивается, петляя между деревьев. Фары на мгновение ослепляют меня, а затем машина исчезает в темноте,

оставляя меня одну.

Одну. Ночью. Посреди леса.

— Вернитесь! — кричу я в след уезжающей машине. — Вернитесь, черт вас побери!

Тишина. Только завывание ветра в ветвях и треск веток где-то вдали.

Я опускаюсь на землю, обхватывая колени руками, и плачу. Плачу от страха, от бессилия, от отчаяния.

Два дня. Всего два дня в этом проклятом селе, и я уже успела вляпаться в историю. Успела стать добычей в чужой игре, пешкой в войне между двумя кланами. Успела оказаться здесь, брошенной в ночном лесу психопатом, который хочет жениться на мне силой.

Что я наделала? Зачем приехала сюда?

Может, Андрей и Света были не так уж плохи по сравнению с этим кошмаром?

Нет. Даже сейчас, в этом аду, я не жалею, что уехала из Москвы. Но как мне выбраться отсюда? Как спастись?

Я поднимаю голову, вытирая слезы. Нужно думать. Нужно действовать. Истерика не поможет.

Батыр сказал, что до села час ходьбы. Значит, нужно идти. Просто идти по дороге и надеяться, что не заблужусь.

Встаю, отряхивая джинсы от земли и хвои. Руки все еще дрожат, но я заставляю себя сделать шаг. Еще один. Еще.

И вдруг – вспышка в памяти. Телефон. Тот самый телефон, который дал мне Тимур.

Я лихорадочно шарю по карманам халата. Где он? Пожалуйста, пусть он будет здесь. Пусть я не выронила его в машине.

Пальцы натыкаются на что-то твердое, прямоугольное.

Есть!

Я достаю телефон, и даже в темноте вижу слабое свечение экрана. Заряд есть. Сеть... есть. Одна палочка, но есть.

Я открываю контакты. Один номер. Без имени.

Тамерлан.

Мне нужно позвонить Тамерлану. Человеку, который угрожал мне вчера, который требовал, чтобы я стала его шпионкой. Человеку, которого я боюсь почти так же сильно, как Батыра.

Но сейчас у меня нет выбора.

Либо я позвоню ему, либо останусь здесь. Одна. В ночном лесу. А завтра Батыр вернется и заберет меня. Силой.

Я смотрю на светящийся экран телефона, и слезы снова катятся по щекам.

Боже, помоги мне.

Я нажимаю на кнопку вызова.

Гудки. Один. Два. Три.

Пожалуйста, ответь. Пожалуйста.

Четвертый гудок обрывается, и в трубке раздается низкий, знакомый голос:

— Говори.

— Тамерлан? — мой голос срывается, и я даже не пытаюсь

скрыть слезы. — Помоги. Пожалуйста. Мне нужна помощь.

Глава 5

ТАМЕРЛАН.

Телефон звонит в половине четвертого ночи. Я не сплю. Пол ночи сижу в кабинете, разбирая документы по последним поставкам.

Смотрю на экран. Номер неизвестный, но я знаю, какой это номер. Тот самый телефон, что Тимур передал докторше.

Она звонит.

Я беру трубку, не спеша.

— Говори.

В ответ – всхлип, потом дрожащий, срывающийся голос:

— Тамерлан? Помоги. Пожалуйста. Мне нужна помощь.

Она плачет. Эта упрямая москвичка, которая вчера смотрела на меня с таким вызовом, сейчас плачет в трубку. И что-то внутри меня сжимается. Неправильно. Что-то пошло не так.

— Где ты? — спрашиваю я резко, уже поднимаясь из-за стола.

— Я... я не знаю. В лесу. Батыр... он... — она задыхается от рыданий. — Он вытащил меня из больницы, сказал, что отцу плохо, а потом привез в лес и... и бросил здесь. Я одна. Темно. Я боюсь.

Батыр.

Этот гребаный ублюдок.

Я сжимаю телефон так сильно, что пластик трещит.

— Слушай меня внимательно, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты где-то на дороге или в чаще леса?

— На... на дороге, кажется. Он уехал по дороге, я вижу колею от машины.

— Хорошо. Никуда не уходи. Стой на месте. Я приеду.

— Ты... ты меня найдешь? Я, правда, не знаю, где я...

— Найду. Жди.

Я отключаюсь и иду к двери кабинета. Руслан выходит из своей комнаты, зевая.

— Что случилось? — он смотрит на мое лицо, понимая, что что-то не так. — Тамерлан?

— Докторша. Батыр вытащил ее в лес, и бросил.

— Что?! — брат хмурится. — И что теперь?

— Еду за ней.

— Один? — Руслан хватает меня за плечо. — Ты с ума сошел? Это может быть ловушка! Магомаевы специально заманивают тебя!

Я останавливаюсь, обдумывая его слова. Ловушка. Да, это возможно. Батыр мог использовать докторшу, как приманку, чтобы выманить меня на нейтральную территорию и устроить засаду.

Но... я слышал ее голос. Страх в нем был настоящим. Слезы – настоящими. Никакая актриса не сыграет так.

— Нет, — качаю я головой. — Это не ловушка. Она дей-

ствительно напугана.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — коротко бросаю в ответ. — И еду один.

— Тамерлан, блядь, я не позволю тебе...

— Руслан, — поворачиваюсь я к брату, и смотрю ему прямо в глаза. — Я еду. Один. Потому что если это действительно ловушка, я не хочу подставлять под удар тебя и наших людей. А если нет, то мне не нужна компания.

— А как ты ее найдешь? Она сама то хоть знает, где находится?

Я усмехаюсь.

— В телефоне, который ей дал Тимур, встроен GPS-датчик. Я найду ее за пять минут.

Руслан молчит несколько секунд, затем качает головой.

— Ты невозможный. Ладно, езжай, но телефон держи на связи. Если через час не позвонишь, я выезжаю с людьми.

— Договорились.

Я спускаюсь вниз, сажусь в джип и включаю приложение на телефоне. Красная точка на карте показывает местоположение докторши. Лесная дорога в пяти километрах от села, ведущая к старым пастбищам. Знаю это место. Глухомань, ночью туда никто не ездит.

Батыр специально выбрал это место. Выбрал, чтобы напугать ее. Или чтобы...

Не думать. Надо просто ехать.

Я вдавливаю педаль газа в пол, и джип срывается с места.

Дорога занимает пятнадцать минут, по горным серпантинам нельзя быстрее, даже если очень хочется. Я еду, сжимая руль, и внутри меня клокочет ярость.

Батыр. Этот мудак посмел вытащить женщину в лес ночью. Посмел напугать ее так, что она позвонила мне – человеку, которого боялась не меньше, чем его.

Что он ей сделал? Что сказал?

Если он тронул ее...

Я не заканчиваю мысль, потому что не знаю, что сделаю, если он тронул ее. Но это будет плохо. Для него.

Въезжаю на лесную дорогу. Фары выхватывают из темноты стволы деревьев, туман стелется по земле. Смотрю на телефон – красная точка совсем близко. Еще метров пятьсот.

И вот я вижу ее.

Милана стоит посреди дороги, освещенная фарами. Волосы растрепаны, лицо в слезах, халат грязный, руки обхватывают плечи. Она вздрагивает, когда свет ударяет ей в глаза, и на мгновение я вижу в ее взгляде панику. Девчонка явно не понимает, кто приехал. Батыр или я.

Выхожу из машины, и она узнает меня. Ее лицо искажается, и она делает шаг ко мне, а потом еще один, и вдруг бросается бежать.

Прямо ко мне.

Она врезается в мою грудь, хватается за куртку и просто плачет. Беззвучно, отчаянно, всем телом содрогаясь от рыданий.

Я стою, не зная, что делать. Обнять ее? Оттолкнуть? Утешить?

Нет. Сначала нужны факты.

— Милана, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что случилось? Рассказывай. Все по порядку.

Она поднимает голову, ее глаза красные, губы дрожат.

— Он... Батыр... пришел ночью в больницу. Сказал, что отцу плохо, что нужна срочная помощь. Я... я врач, я не могла отказать, если человеку плохо. И поехала с ним.

Она замолкает, и я вижу, как ее руки крепче сжимают мою куртку.

— Продолжай, — приказываю я.

— Он вез меня не к отцу. Свернул в лес, остановился здесь. Сказал... — ее голос срывается. — Сказал, что я ему понравилась, что хочет жениться на мне. Предложил замужество, обещал все что угодно – должность главврача, деньги, дом...

— И?

— Я отказала! — она почти кричит. — Конечно, я отказала! Я его не знаю! Он псих! И тогда он... он сказал, что если я не соглашусь добровольно, он возьмет меня силой. Завтра вечером придет за ответом, и если я скажу «нет», он женится на мне по своим горским законам. Насильно. А потом просто... просто бросил здесь и уехал!

Она снова плачет, уткнувшись мне в грудь.

Я стою и слушаю, как внутри меня разгорается пламя. Го-

рячее, яростное пламя, которое сжигает все на своем пути.

Батыр. Этот сукин сын посмел. Посмел предложить замужество женщине на моей земле. Посмел угрожать ей. Посмел использовать ее в своих играх.

Он объявил мне войну. Официально.

И я отвечу. О, я обязательно отвечу.

— Когда он сказал, что придет? — спрашиваю я, отстраняя Милану от себя и глядя ей в глаза.

— Завтра... завтра вечером. Сказал, что у меня есть время подумать до завтра вечера.

Завтра вечером. Значит, у меня меньше суток.

— Садись в машину, — говорю я, открывая дверь.

Милана послушно забирается на переднее сиденье. Я сажусь за руль, завожу двигатель, и разворачиваюсь.

Везти ее обратно в фельдшерский пункт? Нет, это глупо. Батыр наверняка приставил к ней слежку. Его люди будут следить за каждым ее шагом до завтрашнего вечера. А если она появится слишком быстро, он поймет, что ей помогли. И тогда...

Домой ей тоже нельзя. По той же причине.

Нужно время. Нужно подумать.

И нужен план. Хороший план, чтобы раз и навсегда показать Батыру, кто здесь хозяин.

Милана смотрит в окно, вытирая слезы рукавом халата. Проходит несколько минут, и она вдруг напрягается.

— Мы... мы едем не в ту сторону, — говорит она тихо. —

Село в другой стороне.

Я не отвечаю, просто продолжаю ехать.

— Тамерлан? — ее голос становится выше. — Куда мы едем?

— Не в село, — отвечаю я спокойно.

— Но... но мне нужно на работу. Или домой. Или хотя бы...

— Нет.

— Что значит «нет»?! — она разворачивается ко мне, и в ее глазах снова паника. — Ты обещал помочь! Отвези меня домой! Немедленно!

— Милана, — говорю я, не отрывая взгляда от дороги. — Если я отвезу тебя домой или на работу, Батыр узнает об этом через пять минут. У него везде глаза. И тогда он придет за тобой раньше. Или сделает что-то еще хуже. Понимаешь?

Она замолкает, обдумывая мои слова.

— Тогда... тогда куда мы едем?

Я усмехаюсь. План уже складывается в голове. Дерзкий, рискованный, но, черт возьми, он сработает. Он должен сработать.

— У меня есть идея, докторша, — говорю я, и не могу удержать усмешку. — Очень хорошая идея. Знаешь, как лучше всего унизить врага?

— Что?.. — она смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

— Забрать то, что он хочет, до того, как он успеет это по-

лучить.

Повисает тяжелое молчание. Милана медленно качает головой.

— Нет. Нет, только не это. Ты не можешь... ты же сказал, что поможешь мне...

— И помогу, — перебиваю я. — Батыр не получит тебя. Это точно.

— Но... но...

— Напомни, когда именно Батыр обещал прийти за ответом?

— Завтра вечером. Он сказал... завтра вечером придет ко мне и если я не соглашусь, то...

— Значит, у нас есть время, — киваю я, ускоряясь. — До завтрашнего вечера. Этого достаточно.

— Достаточно для чего?! — голос Миланы становится истеричным. — Что ты собираешься делать?! Куда ты меня везешь?!

Я оборачиваюсь к ней, встречаюсь с ее взглядом. Вижу страх, панику, отчаяние. И что-то еще. Искру той ярости, которую она показала в первый день, когда не побоялась спорить со мной.

Сильная. Она сильнее, чем думает.

— Везу в свой дом, докторша, — отвечаю я спокойно. — В свою крепость. Где Батыр тебя не найдет. И где ты будешь в безопасности.

— В безопасности?! — она почти кричит. — Вы похища-

ете меня! Это не безопасность, это плен!

— Называй, как хочешь, — пожимаю плечами. — Но факт остается фактом: единственное место, где Батыр не сможет тебя взять, — это мой дом. Под моей защитой. И ты проведешь там столько времени, сколько понадобится.

— Сколько понадобится для чего?!

Я снова усмехаюсь. Батыр хотел сделать ход конем? Взять докторшу и унизить меня, показав, что может делать, что хочет на моей земле?

Что ж, я отвечу. И мой ответ будет громче выстрела.

— Для того, чтобы ты стала моей женой, — произношу я спокойным голосом. — Официально, по всем законам. И тогда Батыр ничего не сможет сделать, потому что ты будешь принадлежать мне.

Тишина. Милана смотрит на меня так, словно я сказал что-то на незнакомом языке. Потом ее лицо бледнеет.

Черт, жалко конечно девку, напрасно она сунулась в наше местность, но с другой стороны я не предлагаю ничего смертельного.

— Нет, — шепчет она. — Нет. Я не выйду замуж. Ни за тебя, ни за Батыра. Я не собственность!

— Здесь собственность, — отвечаю я жестко. — Либо его, либо моя. Выбирай.

— Это не выбор! Это... это...

— Это реальность, докторша. Чем быстрее ты это примешь, тем легче будет.

Она молчит, и я вижу, как по ее щекам снова катятся слезы. Но она не плачет вслух. Просто сидит, уставившись в окно, и слезы текут сами собой.

Мне становится неловко. Не должно, но становится. Я не люблю обижать женщин. Даже упрямых докторш из Москвы. Но выбора нет.

Батыр сделал ход. Я должен ответить. И Милана – лучший способ ударить его туда, где больнее всего. По самолюбию.

Он хотел ее? Он объявил ее своей? Он угрожал взять ее силой?

Тогда я возьму ее первым. Сделаю своей женой. И пусть он захлебнется от злости, когда узнает.

Машина петляет по горным дорогам, поднимаясь все выше. Впереди уже видны огни моего родового дома – каменной крепости, построенной прадедом. Здесь мы в безопасности. Здесь у меня абсолютная власть.

Здесь Милана станет моей.

Глава 6

МИЛАНА.

Машина останавливается перед огромным домом – нет, не домом, крепостью. Каменные стены, высокие окна, массивная резная дверь. Это место выглядит так, словно стоит здесь уже века, пережив войны, осады, кровь и смерть.

И сейчас я здесь. Пленница.

Тамерлан выходит из машины и обходит ее, открывая мою дверь. Я сижу, вжавшись в сиденье, не в силах пошевелиться. Страх парализует, кажется, я даже ног не чувствую. Что он сделает? Что будет дальше?

— Выходи, — рыкает мужчина, кивая головой.

— Нет.

— Милана, не заставляй меня тащить тебя силой.

Я смотрю на него – высокий, сильный, непоколебимый. Он способен. Он абсолютно способен вытащить меня отсюда силой, перекинуть через плечо, как мешок и понести внутрь.

Я выхожу сама. Ноги подкашиваются, но я держусь. Не дам ему удовольствия видеть меня совсем сломленной.

Дверь дома распахивается, и на пороге появляется мужчина. Высокий, похожий на Тамерлана, но старше, с более мягкими чертами лица. Брат, понимаю я.

— Тамерлан? — он смотрит на меня, потом на брата, и его брови взлетают вверх. — Что, черт возьми, происходит?

Это та самая докторша?

— Да, — коротко отвечает Тамерлан, беря меня за локоть.

— И что она здесь делает? Ты похитил ее?

— Завтра объясню. Сейчас не до разговоров.

— Но...

— Руслан, — голос Тамерлана становится жестче. — Оставь нас. Все узнаешь утром.

Брат молчит несколько секунд, оглядывая меня с головы до ног. Я вижу в его взгляде удивление, недоумение, даже беспокойство. Но он кивает, отступив в сторону.

— Как скажешь. Но если что...

— Все под контролем, — обрывает его Тамерлан и тащит меня внутрь.

Я спотыкаюсь о порог, и его рука крепче сжимается на моем локте. Мы идем по длинному коридору с каменными стенами, украшенными старинным оружием и коврами. Потом по лестнице вверх. Потом по еще одному коридору.

Дом огромный. Кажется, мы идем целую вечность, поворачиваем за угол, проходим мимо закрытых дверей, поднимаемся еще выше. Я теряю ориентацию, не понимаю, где нахожусь, сколько этажей в этом проклятом доме.

Наконец, Тамерлан останавливается перед дверью в самом конце коридора. Открывает ее, и буквально заталкивает меня внутрь.

Комната большая, с высокими потолками и огромным окном, за которым виднеются горы. В центре – массивная кро-

вать с резными столбиками. Справа шкаф, стол, кресло. Слева дверь, ведущая, судя по всему, в ванную.

Тамерлан входит следом и закрывает дверь. Щелчок замка звучит, как выстрел.

И что-то во мне ломается. Начинается откровенная истерика, которую я не могу контролировать.

— Это похищение! — ору во весь голос, разворачиваясь к нему. — Ты похитил меня! Ты, псих! Такой же чокнутый, как Батыр!

Его лицо не меняется. Он спокойно снимает куртку, вешает ее на крючок у двери и поворачивается ко мне.

— Я спас тебя.

— Спас?! — я задыхаюсь от ярости. — Ты привез меня в свою крепость, и запер! Это не спасение, это новый плен!

— У тебя есть выбор, докторша, — его голос ровный, почти безразличный. — Либо остаешься здесь, со мной, и становишься моей женой……Либо я отвожу тебя обратно, где тебя ждет Батыр. Что выберешь?

— Ни то, ни другое! — кричу я. — Вы оба больные! Звери! Вы думаете, что можете просто взять женщину, как вещь! Я не хочу ни тебя, ни его! Я хочу домой! Я хочу в Москву! Я жалею, что вообще приехала в это проклятое место!

Тамерлан усмехается, и эта усмешка бесит меня еще больше.

— Реально идиотка, — говорит он, качая головой. — При-

ехать одной в горы, в чужую местность, где свои законы. Да еще выглядеть так, что первый встречный мужчина захочет тебя взять в жены. И думать, что все будет по-московски, по-твоему. Наивная дурочка.

— Заткнись! — я делаю шаг к нему, сжав кулаки. — Я не идиотка! Я просто хотела работать! Хотела помогать людям! А вы... вы превратили мою жизнь в кошмар!

— Мы? — он поднимает бровь. — Или ты сама? Ты выбрала приехать сюда. Ты выбрала надеть эту рубашку, которая обтягивает грудь. Ты выбрала говорить Батыру «нет» так, что он захотел тебя еще больше. Это твои выборы, докторша. Не наши.

Я разворачиваюсь, не выдерживая его взгляда, и обхватываю себя руками. Слезы снова подступают к горлу, но я не дам им вырваться. Не сейчас. Не перед ним.

— Послушай, — голос Тамерлана становится тише, и я слышу, как он делает шаг ближе. — У тебя действительно есть выбор. Не такой, какой ты хочешь, но есть. Либо я, либо Батыр. И между нами есть разница.

— Какая? — шепчу я, не оборачиваясь. — Вы оба хотите жениться на мне силой.

— Батыр возьмет тебя, — его голос звучит прямо за моей спиной, и я вздрагиваю. — Трахнет, не спрашивая разрешения. Объявит по всему селу, что ты теперь его женщина, и ты будешь обязана выйти за него замуж по законам гор. Иначе – позор на всю семью, которой у тебя здесь нет. То есть по-

зор на тебя одну, тебя даже могут судить с клеймом шлюхи, которая отдалась мужчине и отказалась за него выходить.

Я закрываю глаза, чувствуя, как внутри все сжимается от ужаса. Он прав. Боже, он прав. Батыр так и сказал – если он возьмет меня силой, я буду обязана выйти за него замуж.

— Я же, — продолжает Тамерлан, и его дыхание обжигает мою шею, — сделаю тебя своей женой. Официально. Без насилия. Стану мужем, а не хозяином. Но для этого ты должна быть женой. Настоящей женой. Понимаешь разницу?

Медленно открываю глаза и медленно оборачиваюсь. Он стоит слишком близко. Так близко, что я вижу каждую черточку его лица – жесткую линию скул, шрам над бровью, темные глаза, в которых горит что-то опасное и притягательное одновременно.

— Ты... ты хочешь, чтобы я согласилась? — шепчу, дрожащим голосом, изо всех сил пытаясь успокоиться. — Чтобы я сама захотела стать твоей женой?

— Хочу, чтобы ты поняла: это единственный способ спастись от Батыра, — отвечает он. — И единственный способ быть в безопасности, продолжить работать, жить. Если ты моя жена, он не сможет тебя тронуть. Никто не сможет. Ты будешь под моей защитой.

— Но я... я не люблю тебя, — шепчу я. — Я тебя боюсь.

— Знаю, — его губы кривятся в жесткой усмешке. — Но любовь и страх – не так уж далеки друг от друга. И ты привыкнешь. Ко мне. К дому. К жизни здесь.

Мужчина поднимает руку и проводит пальцами по моей щеке. Медленно, почти нежно. И я вздрагиваю, только не от страха, а от чего-то другого. От странного тепла, которое разливается внутри от его прикосновения.

Что со мной происходит?

— Выбирай, докторша, — хрипит он, склонившись к моему лицу. — Я не буду ждать вечно. Либо соглашаешься стать моей женой прямо сейчас, либо завтра утром я отвожу тебя обратно. К Батыру. И пусть он делает с тобой, что хочет.

— Это... это шантаж, — мой голос звучит слабо даже для моих собственных ушей.

— Это реальность. Жестокая, несправедливая, но реальность. Здесь, в горах, женщина без мужа – это добыча. А ты, Милана, уже стала добычей. И вопрос только в том, кто тебя получит.

Его рука скользит к моему подбородку, приподнимает его, заставляя смотреть ему в глаза.

— Но есть одна вещь, которую ты должна знать, — продолжает он тише. — Если ты станешь моей, я не отдам тебя никому. Никогда. Ты будешь принадлежать мне полностью. Твое тело, твоя жизнь, твое будущее. Все. Понимаешь?

Я киваю, не в силах говорить. Мое сердце колотится так быстро, что кажется, вырвется из груди. Его близость одурманивает, его запах, что-то терпкое, мужское, заставляет голову кружиться.

— И еще, — его большой палец проводит по моей нижней

губе, и я непроизвольно вздрагиваю. — Я не буду нежным. Я не буду романтиком, который будет ухаживать за тобой с цветами и стихами. Я горец, докторша. Я привык брать то, что хочу. И когда ты станешь моей женой, я возьму тебя. Полностью. И ты будешь моей во всех смыслах.

Его слова должны пугать меня. Должны. Но вместо страха я чувствую что-то другое. Что-то горячее, пульсирующее, опасное. Влечение. Притяжение к этому жестокому, властному мужчине, который смотрит на меня так, словно я уже принадлежу ему.

Такого не было никогда. С Андреем не было. Ни с кем не было.

— Так что скажешь, докторша? — его лицо так близко, что я чувствую его дыхание на своих губах. — Согласна стать моей женой? Или мне отвезти тебя обратно к Батыру?

Я смотрю на него, и что-то внутри переворачивается. Страх. Желание. Ненависть. Притяжение. Все смешивается в один клубок, который застревает в горле.

— Я... — начинаю, но голос срывается.

— Да или нет, — перебивает он. — Простой ответ. Ты моя или нет?

Его глаза горят. Его рука на моем подбородке, горячая, властная. Его тело так близко, что я чувствую его тепло сквозь одежду.

И я понимаю, что выбора у меня действительно нет.

Батыр или Тамерлан.

Насилие и унижение или... или что? Брак с мужчиной, которого я знаю два дня? Который угрожал мне, похитил меня, держит взаперти?

Но который спас меня сегодня ночью, приехал за мной в лес, когда я позвала. Который смотрит на меня сейчас так, словно я не вещь, не трофей, а... женщина.

Его женщина.

— Я... — слова застревают в горле, но я заставляю себя продолжить. — Я согласна.

Тишина. Тамерлан смотрит на меня несколько секунд, словно не веря услышанному, потом его губы изгибаются в жесткой, торжествующей улыбке.

— Хороший выбор, докторша, — произносит он низко. — Очень хороший выбор.

И прежде чем я успеваю что-то сказать, он наклоняется и целует меня.

Жестко. Властно. Без разрешения.

Его губы захватывают мои с такой силой, что я непроизвольно вскрикиваю, и он пользуется этим. Язык проникает в мой рот, требовательный, горячий. Рука скользит на шею, большой палец надавливает на пульсирующую точку под челюстью, удерживая меня на месте. Я не могу отстраниться, не могу даже пошевелиться – он полностью контролирует этот поцелуй.

Я пытаюсь оттолкнуть его, ладони упираются в грудь, но это как толкать каменную стену. Он только сильнее прижи-

мает меня к себе, его свободная рука обхватывает мою талию, притягивает так близко, что чувствую каждый изгиб его мощного тела сквозь тонкую ткань одежды.

И вдруг что-то переключается внутри меня.

Сопротивление тает. Мои руки, только что отталкивавшие его, сами тянутся к его плечам, пальцы впиваются в жесткую ткань рубашки. Губы перестают быть сжатыми, и приоткрываются шире, впуская его глубже. Я отвечаю на поцелуй – неумело, хаотично, но отвечаю.

Тамерлан издает низкий гортанный звук, почти рычание, и целует меня еще жестче. Его язык скользит по моему, требовательно, страстно, заставляя мое тело реагировать помимо воли. Тепло разливается внизу живота, колени подкашиваются, дыхание сбивается.

Боже, что со мной происходит?

Его рука на моей талии спускается ниже, к бедру, сжимает его сквозь джинсы и халат, который едва прикрывает задницу, и я вздрагиваю. Волна горячего желания прокатывается по телу, такая острая, что я с трудом сдерживаю стон. Никогда. Никогда раньше я не чувствовала ничего подобного. Андрей целовал меня нежно, робко, всегда спрашивая разрешения. Это... это совсем другое. Это жестко, властно, опасно. И почему-то именно это сводит меня с ума.

Тамерлан слегка прикусывает мою нижнюю губу, и я всхлипываю от неожиданности и острого удовольствия. Он отрывается от губ и переносит поцелуи на шею – горячие,

влажные, обжигающие. Его дыхание обжигает чувствительную кожу, зубы слегка царапают, язык проводит по пульсирующей вене.

— Моя, — шепчет он прямо мне в ухо, и его голос – низкий, хриплый от желания – заставляет меня дрожать еще сильнее. — Теперь ты моя, Милана. Полностью моя.

Его рука на моем бедре поднимается выше, скользит под халат, касается обнаженной кожи на талии. Горячие пальцы обжигают, и я вздрагиваю, непроизвольно прогибаясь к нему. Мое тело живет своей жизнью, откликается на каждое прикосновение, предает с каждой секундой.

— Тамерлан... — шепчу я, и даже сама не знаю, что хочу сказать.

Остановись? Продолжай? Я не понимаю, что происходит со мной.

Он поднимает голову, скользит по мне взглядом. Его глаза темные, почти черные, полные голодного желания. Щеки слегка покраснели, дыхание учащенное. Он хочет меня. Хочет прямо сейчас, я вижу это. И это одновременно пугает и….мать твою, возбуждает.

— Сладкая, — произносит он, проводя большим пальцем по моим припухшим от поцелуя губам. — Такая сладкая и упрямая. Мне нравится, как ты откликаешься на меня. Как твое тело предает тебя.

Я отворачиваюсь, не в силах больше выдерживать его взгляд. Стыд заливает щеки краской. Он прав. Мое тело пре-

дает меня. Я ненавижу его за то, что он сделал, но хочу его. Хочу его прикосновений, его поцелуев, его...

Нет. Что я думаю? Я схожу с ума.

Тамерлан мягко разворачивает мое лицо обратно к себе.

— Не прячься, — говорит он тихо. — Ты моя теперь. Мне нравится видеть, как ты хочешь меня, даже если пытаешься это скрыть.

— Я... я не хочу тебя, — пытаюсь возразить, но голос звучит неубедительно даже для себя самой.

— Лжешь, — усмехается мужчина, и снова целует.

Коротко, жестко, обжигающе.

— Твое тело не лжет, докторша. Твои губы, твое дыхание, твоя дрожь – все говорит мне правду. Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя.

Молчу, потому что не знаю, что сказать. Вот же проклятый козел! Боже, как же он прав, и это убивает меня.

Тамерлан медленно отстраняется, и холод сразу накрывает меня. Мне не хватает его тепла, его близости, и это пугает больше всего остального.

— Но не сегодня, — медленно проговаривая каждое слово, он начинает расхаживать по комнате. Его руки сжимаются в кулаки, челюсть напрягается. — Сегодня ты устала, напугана. Это было бы неправильно.

— Что? — я моргаю, не понимая.

— Я не изнасилую тебя, Милана, — его голос становится жестче. — Когда я возьму тебя, ты будешь хотеть этого

сама. Полностью. Будешь умолять меня. И только тогда ты станешь моей женой во всех смыслах.

Мое лицо горит от смущения и чего-то еще. Предвкушения? Желания?

Господи, что со мной не так?

Тамерлан поворачивается и идет к двери. Я стою, прислонившись к стене, и смотрю ему вслед. Ноги ватные, губы распухшие, тело дрожит от пережитого.

У двери он останавливается, и оборачивается.

— В шкафу найдешь одежду. Ванная там, — он кивает на дверь слева. — Можешь отдохнуть. Утром принесут завтрак.

— Ты... ты меня запрешь? — едва слышно спрашиваю, хотя и сама знаю ответ.

Его лицо твердеет.

— Да. Запру.

— Почему? Если я согласилась...

— Потому, что теперь у тебя нет выхода, докторша, — обрывает он меня. — Завтра Батыр начнет искать тебя. Он поймет, что ты не пришла на работу, не вернулась домой. Он будет искать везде. Но не найдет. Потому что ты здесь, со мной. И найдет он тебя только тогда, когда мы объявим о свадьбе.

Я смотрю на него широко распахнутыми глазами.

— О свадьбе? Когда?

— Скоро, — его губы изгибаются в жесткой улыбке. — Очень скоро. Я не дам ему времени строить планы или ис-

кать способы забрать тебя. Через несколько дней ты будешь моей женой официально. По всем законам – и горским, и государственным. И тогда он ничего не сможет сделать.

— Но я... я не готова...

— Готова или нет, это не имеет значения, — Тамерлан открывает дверь и выходит. На пороге останавливается и оборачивается в последний раз. — Ты сделала выбор, Милана. Теперь живи с ним. Спокойной ночи, жена.

Дверь закрывается. Щелчок замка звучит эхом звенит в ушах.

Я остаюсь одна в чужой комнате, в чужом доме, запертая, как пленница.

Но почему тогда мои губы до сих пор горят от его поцелуя? Почему мое тело до сих пор помнит тепло его рук? Почему внутри меня живет это странное чувство – страх, смешанный с чем-то еще?

Я медленно опускаюсь на кровать, обхватывая себя руками.

Что я наделала?

Я согласилась выйти замуж за мужчину, который похитил меня. За мужчину, которого знаю всего два дня. За мужчину, чей поцелуй заставил меня забыть обо всем – о страхе, о здравом смысле, о том, что это неправильно.

И самое страшное – я не жалею.

Даже сейчас, сидя в запертой комнате, я не жалею о своем выборе.

Потому что альтернатива – Батыр и его жестокие руки, его похотливый взгляд, его обещание взять меня силой – пугает меня гораздо больше.

А Тамерлан...

Тамерлан опасен. Жесток. Властен. Но в его глазах я увидела не только желание обладать. Я увидела что-то еще. Защиту? Уважение? Или мне просто хочется в это верить?

Я ложусь на кровать, не раздеваясь, и закрываю глаза.

Завтра начнется новая жизнь. Жизнь женщины Тамерлана Темирханова. Жены вождя клана. Пленницы и... и кого еще?

Я не знаю.

Глава 7

МИЛАНА.

Проклятая усталость валит с ног. Проваливаюсь в сон где-то под утро, когда за окном уже начинает светлеть, но даже этот сон не приносит облегчения – он полон кошмаров, в которых я бегу по бесконечному лесу, а за мной гонятся Батыр и Тамерлан, и я не знаю, от кого убегаю, а к кому, и в какой-то момент они сливаются в одну фигуру, огромную и пугающую, которая настигает меня и...

Я просыпаюсь с криком, вся в холодном поту, сердце колотится так, что кажется, сейчас разорвет грудь ко всем чертям. Комната залита утренним светом, и мне требуется несколько секунд, чтобы понять, где я нахожусь. Не дома в Москве. Не в своем маленьком домике в селе. В каменной крепости Тамерлана. В запертой комнате. Пленница.

Его невеста.

Господи, что я наделала?

Я сажусь на кровати, обхватывая голову руками, и пытаюсь собрать мысли в кучу. Вчера все казалось таким простым – либо Батыр, либо Тамерлан, и я выбрала меньшее из зол. Но сейчас, в холодном свете утра, когда адреналин схлынул, а страх немного отступил, я понимаю всю абсурдность ситуации. Я согласилась выйти замуж за мужчину, которого знаю два дня, который похитил меня, запер, заявил, что я его соб-

ственность. Что это, если не безумие?

Может, мне стоило отказаться? Может, лучше было вернуться и попытаться решить все законными методами – полиция, суд, защита?

Но Тамерлан был прав в одном: здесь свои законы. И если Батыр действительно возьмет меня силой, никакая полиция не поможет. Меня просто заставят выйти за него замуж, чтобы не опозорить семью. Какую семью? У меня здесь нет семьи. Значит, весь позор ляжет на меня. Меня могут даже судить.

Встаю с кровати, подхожу к окну и смотрю на горы. Они прекрасны – величественные, покрытые зеленью, с заснеженными вершинами, которые касаются облаков. Именно ради этого вида, ради этого покоя я и приехала сюда. Хотела сбежать от московской суеты, от предательства, от разочарований.

А получила новый кошмар, еще хуже предыдущего.

Слезы снова подступают к горлу, но я заставляю себя сглотнуть их. Хватит плакать. Слезами делу не поможешь. Нужно думать. Нужно найти выход.

Но какой выход может быть, если дверь заперта, я одна в чужом доме, в горах, где никто меня не знает и не станет защищать?

В дверь стучат. Один раз, коротко, властно. Потом я слышу щелчок замка, и дверь открывается.

Тамерлан входит с подносом в руках. На подносе – тарел-

ка с горячей едой, чайник, чашка, фрукты. Он одет в темные джинсы и черную рубашку, волосы слегка влажные – видимо, только из душа. Выглядит свежим, отдохнувшим, в отличие от меня.

— Доброе утро, — говорит он, ставя поднос на стол у окна. — Принес завтрак. Ешь.

Я стою у окна, не двигаясь с места, и смотрю на него. На этого мужчину, который вчера целовал меня так, что я забыла свое имя, который сказал, что я его жена, а потом запер здесь.

— Тамерлан, — мой голос звучит хрипло от недосыпа и слез. — Пожалуйста. Не делай этого.

Он оборачивается, поднимает бровь.

— Не делай чего?

— Не женись на мне, — я делаю шаг к нему, сжимая руки в кулаки. — Я умоляю тебя, помоги мне сбежать отсюда. Я уеду в Москву, исчезну, никто не узнает. Батыр успокоится, забудет обо мне. Тебе не придется...

— Милана, — обрывает он, и его голос становится жестче. — Хватит. Мы это уже обсуждали вчера. Ты сделала выбор.

— Я была напугана! — кричу я, и слезы снова прорываются. — Я была в шоке! Я не понимала, что говорю! Пожалуйста, отпусти меня. Я дура, я идиотка, я не должна была сюда приезжать, но я исправлю ошибку. Уеду, и все. Тебе не придется жениться на мне из-за какой-то войны с Батыром.

Тамерлан смотрит на меня несколько секунд, и я вижу,

как его челюсть напрягается.

— Поздно метаться, докторша, — он произносит каждое слово, делая паузы. — Ты согласилась. Ты поцеловала меня. Ты стала моей. И теперь пути назад нет.

— Но я не хочу! — тараторю себе под нос, задыхаясь от рыданий. — Я не хочу выходить за тебя замуж! Я не хочу быть частью вашей войны! Я просто хотела работать, лечить людей, начать новую жизнь!

— И ты начнешь новую жизнь, — его голос смягчается, но лишь немного. — Здесь. Со мной. Как моя жена. Это не так плохо, как ты думаешь, Милана. Я не буду обращаться с тобой как с пленницей. Ты будешь жить в достатке, ни в чем не будешь нуждаться. Сможешь продолжать работать, если захочешь, хотя и не обязательно. Моя жена может не работать.

— Я не хочу быть твоей женой! — кричу я в отчаянии. — Я хочу домой! Хочу к родителям! Хочу в Москву!

— В Москву? — он усмехается. — К своему бывшему, который трахал твою подругу? К родителям, которые обвиняли тебя во всем? Это тот дом, куда ты хочешь?

Его слова, как пощечина. Я замолкаю, вытирая слезы. Откуда этот негодяй все про меня знает?!

— Откуда ты все это ….

— Я все знаю, - с ходу перебивает Тамерлан, натягивая на лицо самодовольную ухмылку.

— Но... но они хотя бы не держали меня взаперти, — пы-

таюсь защищаться, но получается неубедительно. — Не заставляли выходить замуж против воли.

— Против воли? — Тамерлан делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю. — Вчера ты целовала меня, Милана. Отвечала на мой поцелуй. Твое тело хотело меня, даже если разум сопротивлялся. Не говори мне, что это было против воли.

Я отворачиваюсь, не в силах смотреть ему в глаза. Он прав, черт возьми. Вчера я действительно хотела его. Моё тело откликнулось на его прикосновения так, как никогда не откликалось ни на кого. И это пугает больше всего.

— Хотя бы... — я сглатываю комок в горле. — Хотя бы разреши мне позвонить родителям. Пожалуйста. Мой телефон остался в фельдшерском пункте. Они наверняка переживают. Звонят, а я не отвечаю. Им нужно хоть что-то сказать.

Тамерлан молчит, обдумывая мою просьбу.

— Что ты им скажешь?

— Я... не знаю. Что-нибудь придумаю. Скажу, что все хорошо, что я просто занята. Но не могу же я сказать, что выхожу замуж! Они поймут, что я снова вляпалась во что-то. Они... они будут задавать вопросы, захотят приехать...

— Нельзя, — обрывает он меня. — Никаких звонков. Пока.

— Но...

— Милана, — его голос становится мягче, и он подходит

ко мне, кладет руки мне на плечи. — Я понимаю, что тебе страшно. Понимаю, что ты злишься на меня. Но поверь: это единственный способ защитить тебя от Батыра. Если ты позвонишь родителям сейчас, начнешь что-то объяснять, они могут поднять панику. Обратиться в полицию. А это сделает все только хуже. Батыр узнает, где ты, и... я не смогу тебя защитить, если начнется официальное расследование.

— Но я не могу просто исчезнуть! — мой голос срывается. — Мои родители... они, конечно, не идеальные, но они все равно родители. Они будут волноваться.

— Через несколько дней ты сможешь им позвонить, — обещает он. — Когда мы объявим о свадьбе. Тогда все будет официально, и ты сможешь сказать, что влюбилась, вышла замуж, счастлива. Они успокоятся.

— Влюбилась? — переспрашиваю, сквозь какой-то истерический смех, который не могу контролировать. — Ты серьезно думаешь, что они поверят, что я влюбилась за два дня и вышла замуж?

— Поверят, если ты скажешь убедительно, — он усмехается. — А ты врач, докторша. Умеешь держать лицо, когда нужно. Вот и держи.

Я молчу, понимая, что спорить бесполезно. Он не отпустит меня, не позволит позвонить, не даст мне ни малейшего шанса сбежать.

— Ешь, — говорит он, кивая на поднос. — Тебе нужны силы. Сегодня вечером к нам приедет мулла. Мы проведем

никах – обряд бракосочетания по мусульманским обычаям. Официальную регистрацию оформим позже, но никах сделает нас мужем и женой в глазах всего клана.

— Сегодня вечером?! — я смотрю на него широко распахнутыми глазами. — Так быстро?

— Чем быстрее, тем лучше, — его лицо твердеет. — Батыр уже ищет тебя. И когда узнает, что ты моя жена, будет поздно что-то предпринимать.

Он разворачивается и идет к двери. У порога останавливается, не оборачиваясь.

— В шкафу найдешь одежду. После завтрака можешь принять душ, отдохнуть. Вечером за тобой придут женщины – подготовят к церемонии. И, Милана...

Он оборачивается, и его взгляд жесткий, непреклонный.

— Не пытайся сбежать. Дом охраняется. Ты не сможешь выйти отсюда без моего разрешения. Так что даже не пытайся.

Дверь закрывается, замок щелкает.

Я остаюсь одна. Снова.

Подхожу к столу, смотрю на еду, но есть не могу. Тошнит. В горле стоит комок, который не проглотить.

Сегодня вечером я стану женой Тамерлана Темирханова. Официально. По горским законам. И пути назад не будет.

Я опускаюсь на стул, кладу голову на руки и плачу. Тихо, безнадежно, понимая, что ничего не могу изменить.

***

День тянется мучительно медленно.

Я сижу в комнате, смотрю в окно, пытаюсь читать книгу, которую нашла на полке, но буквы расплываются перед глазами. Мысли скачут, не давая сосредоточиться ни на чем.

Что сейчас происходит в селе? Батыр уже обнаружил, что меня нет? Ищет меня? Что он сделает, когда узнает, что я у Тамерлана?

И родители... Господи, родители. Они наверняка уже названивали мне десятки раз. Волнуются. Или нет? Может, они думают, что я просто занята работой?

Я хватаюсь за эту мысль, как за соломинку. Да, они подумают, что я занята. Что у меня много пациентов. Что я не могу ответить. Они подождут день-два, а потом...

А потом будет поздно. Я уже буду женой Тамерлана.

Ближе к вечеру дверь открывается, и входят две женщины – обе в длинных платьях и платках, с серьезными лицами. Они здороваются со мной коротко, почти без улыбки, и одна из них говорит:

— Мы пришли подготовить тебя к никаху. Пойдем.

Я хочу отказаться, хочу закричать, что не готова, что не хочу, но слова застревают в горле. Просто встаю и иду за ними.

Они ведут меня в другую комнату, где уже приготовлена ванна с горячей водой и какими-то травами. Они раздевают меня, как ребенка, опускают в воду, моют мои волосы, втирают в кожу какое-то масло. Все это происходит в молчании,

и я чувствую себя куклой, которую готовят к выставке.

Потом они сушат мои волосы, заплетают их в сложную прическу, наносят на лицо макияж – больше, чем я обычно ношу, но не вульгарно. Надевают на меня длинное белое платье – не свадебное, скорее традиционное, с вышивкой на груди и рукавах. Накидывают на голову легкий белый платок.

Я смотрю на себя в зеркало и не узнаю. Эта женщина с огромными глазами, бледным лицом и дрожащими губами – это я?

— Красивая, — говорит одна из женщин, и в ее голосе звучит одобрение. — Тамерлан выбрал хорошую жену.

Выбрал. Словно я вещь, которую можно выбрать в магазине.

Они уводят меня обратно в мою комнату и оставляют одну. Говорят, что скоро начнется церемония.

Я сижу на краю кровати, сложив руки на коленях, и жду. Жду своей участи. Своей свадьбы с мужчиной, которого боюсь. Внезапно за дверью раздаются быстрые шаги, потом громкие голоса. Крики. Я вскакиваю, сердце начинает колотиться.

Что происходит?

Дверь распахивается, и на пороге появляется Тамерлан. Его лицо жесткое, глаза горят гневом.

— Милана, оставайся здесь. Ни за что не выходи из комнаты. Понятно?

— Что случилось? — шепчу я, и страх снова накрывает меня волной.

— Батыр, — бросает он коротко. — Он узнал, что ты здесь. Едет сюда. С людьми.

Мир вокруг меня качается. Батыр. Он нашел меня. Он едет сюда.

— Что... что он сделает?

Тамерлан смотрит на меня, и в его взгляде я вижу холодную решимость.

— Попытается забрать тебя, но я не отдам. Ты моя, Милана. Он выходит, захлопывая дверь, и я слышу, как замок щелкает снова.

Я остаюсь одна в комнате, в белом платье невесты, и понимаю, что сейчас начнется настоящая война.

Война за меня.

И я не знаю, кто победит. И чего боюсь больше, что победит Батыр и заберет меня силой, или что победит Тамерлан и сделает меня своей женой окончательно.

За окном слышатся звуки подъезжающих машин, громкие голоса, лай собак.

Батыр здесь.

И моя судьба решается прямо сейчас.

Глава 8

ТАМЕРЛАН.

Батыр – проклятый ублюдок смеет ехать ко мне, в мой дом. Кажется, этот идиот совсем потерял страх.

Стою на пороге своего дома и смотрю, как к воротам подъезжают три черных внедорожника. Батыр приехал с целой армией – вижу минимум десять человек, которые выходят из машин, все крупные, все вооруженные. Он серьезно настроен. Думает, что силой запугает меня? Идиот.

Руслан стоит рядом со мной, его люди расположились по периметру двора – у нас тоже не меньше пятнадцати человек, все готовы к драке, если что. Напряжение в воздухе такое, что его можно резать ножом.

— Тамерлан, может, лучше сразу сказать ему про девку? — тихо спрашивает брат. — Избежим кровопролития.

— Нет, — отвечаю я коротко. — Пусть сначала покажет, зачем пришел. Хочу посмотреть, как будет выкручиваться.

Батыр выходит из машины последним, и даже издалека вижу, что он взбешен. Лицо красное, челюсть сжата, движения резкие. Он идет к нам через двор, его люди следуют за ним полукругом, готовые к драке.

— Темирханов! — кричит он, еще не дойдя до крыльца. — Какого хрена ты творишь?!

Я скрещиваю руки на груди, не двигаясь с места.

— Здравствуй, Батыр. Что за визит? Не ждал гостей сегодня.

— Не прикидывайся! — он подходит ближе, останавливается у подножия крыльца, его люди выстраиваются за ним. — Где она?!

— Где кто? — спрашиваю я с невинным видом, хотя прекрасно знаю, о ком речь.

— Докторша! Милана! Ты забрал ее! Не отрицай!

Я усмехаюсь, медленно спускаясь на одну ступеньку ниже. Теперь мы почти на одном уровне, и я вижу, как его глаза сужаются от злости.

— Докторша? А с чего ты решил, что она у меня?

— Не играй со мной! — Батыр делает шаг вперед, его рука инстинктивно тянется к поясу, где наверняка спрятан нож или пистолет. — Она исчезла прошлой ночью! Не пришла на работу! Ее нет дома! И я точно знаю, что это твоих рук дело!

— Может, она просто сбежала от тебя? — бросаю я с усмешкой. — Слышал, ты довольно настойчиво добивался ее внимания. Напугал девушку, вот она и смылась.

Батыр бледнеет, потом краснеет еще сильнее. Попал в точку.

— Это не твое дело! — рычит он. — Она работала на моей земле! Значит, моя!

— На твоей земле? — я делаю еще шаг вниз, теперь мы стоим лицом к лицу. — Батыр, ты опять за старое? Фельдшерский пункт стоит на моей земле. По всем документам, по

всем законам – моей. И если докторша там работала, значит, она была под моей защитой. Не твоей.

— Да пошел ты! — кричит он, и его люди напрягаются, готовые броситься вперед. — Эта земля моя! Всегда была моей! И ты не имеешь права...

— Я имею право на то, что принадлежит мне по праву крови! — перебиваю я, и мой голос становится жестче. — Мой дед, мой отец проливали кровь за эти земли! А ты что сделал, Батыр? Кроме того, что пытался отобрать чужое?

— Чужое?! — он практически плюется словами. — Моя семья здесь живет веками! Мы старейшины! Мы правим этим селом!

— Вы правите? — я усмехаюсь. — Или думаете, что правите? Разница большая, Батыр.

Он замахивается, и я едва успеваю отклониться. Его кулак проносится мимо моего лица, и в следующее мгновение я отвечаю – бью его в челюсть, и он отлетает назад, едва не падая.

Его люди бросаются вперед, наши встречают их, и начинается потасовка. Руслан хватает одного из охранников Батыра, валит его на землю. Кто-то бьет моего человека, тот отвечает. Крики, ругань, звуки ударов.

Батыр поднимается, вытирает кровь с губы и смотрит на меня с ненавистью.

— Ты сам подписал себе приговор, Темирханов! — кричит он через шум драки. — Я найду эту девку! Женюсь на

ней! И когда она будет моей женой, я уничтожу тебя! Разорю тебя, заберу все твои земли, сожгу этот проклятый дом!

— Девка? — повторяю я, и что-то внутри меня вспыхивает от его слов. — Ты так называешь женщину, на которой собираешься жениться?

— А как еще ее называть? — Батыр усмехается, вытирая кровь. — Она приезжая, ничья. Никто. Я возьму ее, сделаю своей женой, а когда надоест – выгоню. Но сначала использую ее, чтобы добраться до тебя.

Эти слова... эти гребаные слова задевают меня больше, чем я ожидал.

И я понимаю, что на хрен теряю контроль. Бросаюсь на него, и на этот раз не промахиваюсь. Мой кулак попадает ему в живот, он сгибается от боли. Я бью его еще раз, в лицо, потом в бок. Он пытается ответить, но я быстрее, злее, сильнее.

— Руслан! — кричу я брату. — Заканчивай это!

Брат издает резкий свист, и наши люди отступают. Батыра и его охранников окружают, и те понимают, что проиграли. Их меньше, они на чужой территории, у них нет шансов.

Батыр стоит, тяжело дышит, лицо в крови, глаза горят ненавистью.

— Это еще не конец, Темирханов, — шипит он. — Я найду ее. Где бы ты ее ни прятал, я найду. И когда найду...

— Не найдешь, — обрываю я его. — Потому что завтра утром весь аул узнает, где она. И кто она.

Батыр хмурится, не понимая.

— Что?

— Завтра утром все узнают, что докторша Милана Краснова провела ночь в моем доме. И не одну ночь. Что она здесь, под моей крышей, под моей защитой. И что она станет моей женой.

Тишина. Несколько секунд полной, звенящей тишины.

Потом лицо Батыра искажается от ярости.

— Ты лжешь! — кричит он. — Она не станет твоей женой! Я первый заявил о ней! Я первый...

— Ты первый напугал ее и бросил в лесу, — говорю я холодно. — А я забрал ее. Спас. И теперь она моя. По всем законам гор, по всем обычаям. Она провела ночь в моем доме, значит, я должен на ней жениться. И я женюсь. Завтра же.

— Нет! — Батыр делает шаг вперед, но мои люди преграждают ему путь. — Нет! Ты не можешь! Она моя! Я видел ее первым!

— Но взял ее я, — усмехаюсь в ответ, стараясь вывести этого мерзавца из себя. — А в горах считается не тот, кто увидел, а тот, кто взял. Ты же сам так говорил, Батыр?

Он стоит, тяжело дышит, сжимает кулаки так сильно, что костяшки белеют. Его люди смотрят на него, ждут команды, но он молчит. Понимает, что проиграл. Полностью. Безоговорочно.

— Убирайся с моей земли, — говорю я жестко. — И больше не приходи. Милана – моя жена. Скоро будет официально. И если ты еще раз попытаешься приблизиться к ней, я

убью тебя. Собственными руками.

Батыр смотрит еще несколько секунд, потом резко разворачивается и идет к машинам. Его люди следуют за ним, садятся во внедорожники. Двигатели ревут, машины разворачиваются и уезжают, поднимая клубы пыли.

Я стою и смотрю им вслед, пока они не скрываются за поворотом дороги.

— Ну все, — говорит Руслан, подходя ко мне. — Теперь действительно война. Он не простит тебе этого.

— Знаю, — отвечаю я коротко. — Но у меня не было выбора.

— Был. Мог просто отдать ему девку и избежать всего этого.

Я поворачиваюсь к брату, смотря ему прямо в глаза.

— Я не мог ее отдать. Не мог, понимаешь? Он собирался использовать ее против меня, а потом выбросить.

Руслан молчит несколько секунд, изучая мое лицо, потом медленно кивает.

— Значит, ты действительно женишься на ней?

— Да. Все уже готово для никаха. Пусть весь аул узнает.

Я разворачиваюсь, чтобы идти в дом, и замечаю движение в окне второго этажа. Милана. Она стоит у окна своей комнаты и смотрит вниз. Значит, все слышала. Видела.

Я поднимаюсь по лестнице, иду к ее комнате, открываю дверь ключом. Она стоит посреди комнаты в белом платье, которое надели на нее женщины для никаха. Лицо бледное,

глаза огромные, руки дрожат.

— Ты... ты подслушивала, — говорю я, закрывая за собой дверь.

— Да, слышала. Ты защитил меня. Ты сказал, что он не может так говорить обо мне. – Милана медленно проговаривает каждое слово, уставившись на меня своими огромными голубыми глазами.

Проклятье! Ее взгляд вызывает странное запретное чувство, в груди начинает завязываться тугой узел.

В комнате повисает тишина. Пугающая тишина.

— Почему? — шепчет Милана. — Почему ты не отдал меня ему? Могли бы избежать войны. Избежать всего этого.

Я делаю шаг к ней, и еще один, пока не останавливаюсь прямо перед ней. Смотрю сверху вниз на эту упрямую, красивую женщину, которая за два дня перевернула мою чертову жизнь.

— Потому что ты моя, — уверенно произношу в ответ, не сводя с нее глаз. — И никто не имеет права говорить о тебе, как о вещи.

Ее щеки вспыхивают.

— Но ты сам говорил, что я твоя собственность...

— Говорил, — киваю я. — Но есть разница между тем, как я отношусь к тебе, и как Батыр. Я не брошу тебя, когда надоешь. Я буду защищать тебя, как защищают свою семью.

Она молчит, глядя на меня снизу вверх, и я вижу, как в ее глазах борются разные эмоции – страх, сомнение, и что-

то еще. Что-то похожее на благодарность.

— Завтра утром, — говорю я, поднимая ее подбородок, заставляя смотреть мне в глаза, — весь аул узнает, что ты провела ночь и день в моем доме. Что ты спала под моей крышей, ела за моим столом. И по законам гор это значит, что ты моя. Батыр ничего не сможет сделать, потому что твоя честь теперь связана со мной. Ты должна выйти за меня замуж, иначе позор падет на тебя.

— Это... это манипуляция, — шепчет она, но не отстраняется.

— Это реальность, — отвечаю я. — Жестокая, несправедливая, но реальность. Ты моя, докторша. Завтра все это узнают.

Я наклоняюсь и целую ее**.**

На этот раз не коротко, не быстро. Целую медленно, глубоко, властно, вкладывая в этот поцелуй все – ярость после драки с Батыром, облегчение от того, что она в безопасности, желание, которое жжет меня изнутри с той самой первой ночи, когда я увидел ее в этом проклятом лесу.

Мои губы захватывают ее, язык требовательно проникает в ее рот, и она всхлипывает от неожиданности, но не сопротивляется. Ее руки поднимаются к моей груди, пальцы сжимают ткань рубашки, и я чувствую, как она отвечает на поцелуй – неуверенно сначала, но потом все смелее.

Я притягиваю ее ближе, одна рука обхватывает талию, другая скользит вверх по спине, к шее. Она такая маленькая

в моих руках, такая хрупкая, но при этом сильная – не ломается, не падает в обморок, держится. И это заводит меня еще больше.

Мое тело реагирует мгновенно, предательски. Кровь бросается вниз, член твердеет, и я знаю, что она чувствует это – мы стоим слишком близко, прижаты друг к другу, она не может не почувствовать мое возбуждение сквозь тонкую ткань джинсов.

Милана вздрагивает, ее дыхание сбивается, и я слышу тихий стон, который она пытается подавить. Этот звук сводит с ума. Хочу услышать больше. Хочу, чтобы она стонала мое имя, царапала мне спину, извивалась подо мной.

Но не сейчас. Черт возьми, не сейчас.

Я углубляю поцелуй, моя рука на ее талии спускается ниже, к бедру, сжимает его сквозь ткань платья, и она снова издает этот сладкий звук. Ее тело прогибается ко мне, груди прижимаются к моей груди, и я чувствую, как твердеют ее соски сквозь одежду.

Господи, она хочет меня. Ее тело не лжет. Она напугана, злится на меня, но хочет. И это знание почти сводит меня с ума.

Я отрываю губы от ее рта и переношу поцелуи на шею – горячие, влажные, обжигающие. Целую чувствительную кожу за ухом, слегка прикусываю мочку, и она дрожит в моих руках. Ее руки скользят с моей груди на плечи, пальцы впиваются в мышцы, держатся, словно я единственная опора в

этом мире.

— Тамерлан, — шепчет она, и ее голос дрожит, срывается. — Мы... мы не можем...

— Можем, — рычу я ей в шею, оставляя там метку – легкий засос, который завтра увидят все. — Ты моя жена. Скоро будешь официально. И я имею право целовать тебя, где захочу и как захочу.

Моя рука на ее бедре поднимается выше, скользит по изгибу талии, по ребрам, останавливается прямо под грудью. Еще немного, и я коснусь ее, почувствую ее тепло, ее мягкость в своей ладони. Еще немного, и я потеряю контроль окончательно.

Но нет. Я обещал себе, что не возьму ее, пока она сама не захочет. Пока не попросит. И я сдержу это обещание, даже если это убьет меня.

Я отстраняюсь, тяжело дыша, и смотрю на нее.

Губы распухшие от поцелуев, щеки горят, глаза затуманены желанием. Она прекрасна. Абсолютно, невыносимо прекрасна в этом белом платье, с моей меткой на шее.

— Моя, — произношу я хрипло, проводя большим пальцем по ее нижней губе. — Полностью моя. И сегодня вечером это станет официальным.

Она молчит, просто смотрит на меня широко распахнутыми глазами, и я вижу в них смесь страха и чего-то еще. Предвкушения? Желания?

Я делаю шаг назад, заставляя себя отпустить ее, иначе не

смогу остановиться. Мое тело протестует, требует вернуться, прижать ее к стене, задрать это чертово платье и взять ее прямо здесь, не дожидаясь никакого никаха.

Но я сдерживаюсь. С трудом, но сдерживаюсь.

— Готовься, — говорю я, направляясь к двери. — Через два часа начнется церемония.

***

Вечер наступает быстро. Я стою в главном зале нашего дома, одетый в традиционную черкеску – темную, с серебряными газырями, с кинжалом на поясе. Руслан рядом, тоже в национальном костюме. Наши родственники, старейшины клана расселись полукругом. В центре зала – мулла, пожилой человек с седой бородой, который проведет обряд.

И Милана. Она входит в сопровождении двух женщин, и я не могу оторвать от нее взгляда. Белое платье, белый платок, закрывающий волосы, опущенные глаза. Она идет медленно, неуверенно, и я вижу, как дрожат ее руки.

Женщины подводят ее ко мне, и она встает рядом, не поднимая глаз. Мулла начинает читать молитвы на арабском, его голос монотонный, успокаивающий. Я слушаю краем уха, все мое внимание приковано к женщине рядом со мной.

Моя жена. Скоро официально моя жена.

Мулла задает вопросы сначала мне, потом ей. Я отвечаю твердо, четко: «Да, беру эту женщину в жены». Милана молчит несколько секунд, и я чувствую, как напрягаюсь. Что если она откажется? Прямо здесь, перед всеми?

Но она шепчет тихо, едва слышно: «Да, согласна».

И все. Церемония закончена. Мулла объявляет нас мужем и женой по законам ислама, благословляет наш союз. Присутствующие аплодируют, поздравляют, но я не слышу их.

Я смотрю на Милану, и она наконец поднимает глаза. Смотрит на меня, и в ее взгляде столько эмоций, что я не могу их все разобрать. Страх. Злость. Покорность. И что-то еще, что заставляет мое сердце биться быстрее.

Я беру ее руку – маленькую, холодную – и сжимаю в своей.

— Теперь ты моя жена, — говорю я тихо, только для нее. — Навсегда.

Она не отвечает. Просто стоит рядом со мной, моя жена, моя пленница, моя женщина.

И я знаю, что впереди много испытаний. Батыр не простит мне этого. Начнется настоящая война, но сейчас, в эту минуту, меня это не волнует.

Потому что я выиграл. Милана – моя.

Глава 9

МИЛАНА.

Стою в главном зале, окруженная чужими людьми, и не могу поверить в то, что только что произошло. Я вышла замуж. За Тамерлана Темирханова. Мужчину, которого знаю три дня. Мужчину, который похитил меня, запер, заставил согласиться на этот брак.

Все происходит как во сне – нереальном, туманном, словно я наблюдаю за собой со стороны. Вот я стою в белом платье, вот мулла читает молитвы непонятными словами, вот Тамерлан отвечает твердо «да», вот я шепчу свое согласие, еле слышно, но все равно слышно. И все. Я жена. Чья-то жена. Его жена.

Люди поздравляют нас, подходят, что-то говорят, пожимают руки. Я киваю, улыбаюсь механически, не понимая, что мне отвечать. Мой мозг отключился, работает на автопилоте. Единственное, что я чувствую – это тепло руки Тамерлана, которая держит мою. Большой, горячей, властной. Он не отпускает меня ни на секунду, словно боится, что я сбегу.

Куда я сбегу? Мне некуда.

Московские проблемы, которые казались такими огромными всего неделю назад, теперь кажутся смешными, незначительными. Андрей, изменивший со Светой? Родители, которые вечно всем недовольны? Это все ерунда по сравнению

с тем, что происходит сейчас. Я в горах, я жена горца, я часть клановой войны, о существовании которой даже не подозревала месяц назад.

Как быстро жизнь может измениться. Как быстро можно потерять контроль над всем.

Постепенно гости начинают расходиться. Кто-то уходит пешком, кто-то уезжает на машинах. Руслан, брат Тамерлана, подходит к нам, хлопает брата по плечу и говорит:

— Поздравляю, Тамерлан. Ты сделал это. — Он смотрит на меня, и я вижу в его взгляде оценку, любопытство, но не враждебность. — Добро пожаловать в семью, Милана. Надеюсь, ты быстро привыкнешь к нашим обычаям.

Я киваю, не находя слов.

— Я на сегодня к дяде Магомеду, — продолжает Руслан, обращаясь к брату. — Проведу ночь там. Думаю, вам нужно... побыть наедине.

Он усмехается, и я чувствую, как краснею. Побыть наедине. Брачная ночь. Господи, я даже не думала об этом. Вернее, думала, но старалась не думать, потому что от этих мыслей становилось еще страшнее.

Руслан уходит. Последние гости прощаются, исчезая за дверью. И мы остаемся одни. Я и Тамерлан. Муж и жена. В огромном пустом доме.

Тишина давит, и я понимаю, что нужно что-то сказать, что-то сделать, но не знаю что. Тамерлан смотрит на меня, и я вижу в его глазах что-то новое – удовлетворение, облегче-

ние, торжество. Он выглядит? как человек, который только что выиграл войну. И в каком-то смысле так и есть – он забрал меня у Батыра, сделал своей женой, показал всем, кто здесь главный.

— Я... я очень устала, — говорю? наконец, и мой голос звучит хрипло. — Можно я пойду... отдохну?

Тамерлан кивает.

— Иди. Твоя комната наверху. Ты знаешь, где.

Моя комната. Та самая, где он запирал меня. Теперь она моя. Потому что я его жена, и это мой дом теперь.

Господи, как все это абсурдно.

Я иду по лестнице, держась за перила, потому что ноги подкашиваются. Иду по коридору до самой дальней комнаты. Захожу внутрь, закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной, закрывая глаза.

Все. Свершилось. Я жена Тамерлана Темирханова.

Нужно принять душ. Смыть с себя этот день, эту церемонию, весь этот кошмар. Я раздеваюсь, снимая белое платье, складываю его аккуратно на стул. Иду в ванную, включаю горячую воду и стою под душем, пока вода не начинает остывать.

Потом вытираюсь большим мягким полотенцем, смотрю на себя в зеркало. Бледное лицо, красные глаза, волосы влажными прядями падают на плечи. Я выгляжу измученной, напуганной, потерянной.

Одним словом, как женщина, которая не знает, что будет

дальше.

Оборачиваю полотенце вокруг тела и выхожу из ванной. И замираю.

Тамерлан стоит посреди комнаты. Он уже снял черкеску, остался в темных брюках и белой рубашке, расстегнутой на несколько пуговиц. Волосы слегка растрепаны, на лице усталость, но взгляд... взгляд горячий, голодный, когда он смотрит на меня.

Инстинктивно сжимаю полотенце на груди, делаю шаг назад.

— Ты... я думала... я не ожидала...

— Чего ты не ожидала? — его голос низкий, с хрипотцой. — Что я приду к своей жене в первую брачную ночь?

Первая брачная ночь. Эти слова, как удар. Он пришел за этим. Конечно, пришел. Мы женаты, и он имеет право... он будет...

— Я... — мой голос дрожит, и я ненавижу себя за эту слабость. — Я не готова. Я не могу. Не сегодня. Пожалуйста.

Тамерлан хмурится, делает шаг ко мне.

— Не готова? Милана, ты моя жена. Мы прошли никах. Ты знала, что это значит.

— Знала, но... — я задыхаюсь от паники. — Но не могу. Не так быстро. Мне нужно время...

— Времени нет, — обрывает он, и его голос становится жестче. — Батыр будет ждать доказательств, что брак состоялся. Что ты действительно моя жена, а не просто девушка,

которая живет в моем доме.

— Доказательств? — переспрашиваю, удивленно распахнув глаза. — Каких доказательств?

Он смотрит на меня несколько секунд, потом усмехается, и я вижу, как его лицо смягчается.

— Успокойся, докторша. Я не пришел тебя насиловать.

Я моргаю, не веря своим ушам.

— Что?

— Я сказал: успокойся, — он проходит мимо меня, садится на край кровати, откидывается назад, опираясь на локти. — Я пришел поговорить. И да, в какой-то момент мы займемся сексом, но не сейчас. Не когда ты дрожишь от страха.

Я стою, сжимая полотенце, и не знаю, что сказать. Он пришел поговорить? Серьезно?

— Я думала... — начинаю я неуверенно.

— Думала, что я наброшусь на тебя, как животное? — он усмехается. — Милана, я горец, но не варвар. Да, я хочу тебя. Очень хочу, но не так.

Облегчение накрывает волной, и я чувствую, как подкашиваются ноги, пускаюсь на стул у стола, все еще держа полотенце.

— Тогда зачем ты здесь?

— Это моя комната, — отвечает он просто. — Наша комната. С этой ночи ты спишь здесь, со мной. Привыкай.

Наша комната. Мы будем спать в одной постели. Каждую ночь.

— Но ты сказал про доказательства... — начинаю я.

— А, это, — он машет рукой. — Не волнуйся. Кровавую простыню никто выносить не будет. Это не те времена.

Я смотрю на него широко распахнутыми глазами.

— Кровавую... что?! Ты серьезно?! Такие традиции до сих пор существуют?!

— Существовали, — он усмехается. — Лет тридцать назад. Сейчас уже нет. Хотя в некоторых семьях до сих пор придерживаются старых обычаев, но не в моей. Так что можешь расслабиться.

Расслабиться. Легко сказать.

Я смотрю на него, на этого мужчину, который стал моим мужем, и вдруг чувствую что-то странное. Не страх. Не панику. Что-то другое. Уверенность? Смелость?

— Крови бы все равно не было, — выпаливаю я, и сама удивляюсь своей дерзости.

Тамерлан приподнимает бровь.

— Что?

— Я не девственница, — повторяю, и мой голос становится тверже. — Так что даже если бы вы тут выносили простыни, крови бы не было.

Повисает тишина. Тамерлан смотрит на меня, и я не могу понять, что он думает. Злится? Разочарован? Ему все равно?

Потом он усмехается.

— Я знаю.

— Что? — теперь моя очередь удивляться.

— Я знаю, что ты не девственница, докторша, — он откидывается назад, скрестив руки за головой. — Тебе двадцать пять лет, ты жила в Москве, у тебя был парень. Я не идиот. Не ожидал, что ты придешь ко мне нетронутой.

Я моргаю, переваривая его слова.

— И... тебе все равно?

— А почему меня должно волновать, что было до меня? — он пожимает плечами. — Важно то, что будет после. А после будет только я.

Его уверенность одновременно раздражает и... заводит. Как он может быть таким самоуверенным?

— У меня был только один мужчина, — говорю я, не знаю зачем. — Андрей. Мой бывший. Мы встречались два года, жили вместе год. Я думала, что он тот самый, что мы поженимся, заведем детей, будем счастливы.

— И что случилось? — голос Тамерлана становится мягче.

— Он трахал мою лучшую подругу, — отвечаю я горько. — Пока я работала сутками в больнице, он спал со Светой в нашей постели. Я застукала их. Вернулась домой раньше, услышала звуки из спальни и... увидела их. Вдвоем. В нашей кровати.

Говорить об этом до сих пор больно, но уже не так, как раньше. Словно боль притупилась, стала далекой, неважной.

— И ты сбежала сюда, — заключает Тамерлан.

— Да. Сбежала. Подальше от них, от Москвы, от всего.

Хотела начать новую жизнь, — усмехаюсь собственной глупости. — Получилось, правда? Совсем новая жизнь. Замужем за горцем, которого знаю три дня.

Тамерлан молчит несколько секунд, смотрит на меня, и в его взгляде я вижу что-то похожее на понимание.

— Этот Андрей – идиот, — вдруг говорит он. — Изменить такой женщине... он не заслуживал тебя.

Эти слова... эти простые слова почему-то трогают меня больше, чем любые извинения Андрея. Тамерлан не извиняется за него, не оправдывает, просто констатирует факт: тот идиот, а я заслуживаю лучшего.

— Спасибо, — шепчу я.

— Не за что, — он садится, опираясь локтями на колени. — И раз уж мы говорим откровенно, то скажу сразу: я не буду как твой Андрей. Если я взял тебя в жены, значит, ты одна. Других женщин не будет.

Смотрю на него, пытаясь понять, правду ли он говорит или просто успокаивает меня. Но в его взгляде честность, и я верю ему. Не знаю почему, но верю.

— А если... — начинаю я неуверенно. — А если я тебе наскучу? Если захочешь другую?

— Не наскучишь, — он усмехается. — У тебя слишком сильный характер, чтобы наскучить. Ты будешь спорить со мной, злить меня, доводить, но скучно не будет. Точно.

Я не могу сдержать улыбку. Он прав. Я действительно буду спорить с ним. Уже спорю, даже будучи запертой и напу-

ганной.

Тамерлан встает с кровати и подходит ко мне. Протягивает руку, и я смотрю на нее, не понимая, что он хочет.

— Милана, — томно произносит он, и его голоса по спине пробегает озноб. — Есть одна вещь, которую ты должна понять прямо сейчас, — продолжает он, и его рука поднимается, пальцы мягко обхватывают мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. — Ты моя жена. Моя женщина. И я не святой, докторша. Я хочу тебя. Хотел с той самой первой ночи, когда увидел тебя в этом долбанном лесу. И чем дольше ты сидишь передо мной в одном полотенце... тем меньше я контролирую себя.

Мое дыхание перехватывает. Его слова, его близость, тепло его тела – все это заставляет мою кожу гореть.

— Тамерлан, — шепчу я, и даже сама не знаю, что хочу сказать.

— Скажи мне сейчас, — его голос становится жестче, почти требовательным. — Скажи «нет», если не хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе. Скажи «стоп», если хочешь, чтобы я ушел и оставил тебя в покое на сегодня. Но говори быстро, докторша. Потому что через несколько секунд я не смогу остановиться.

Его большой палец проводит по моей нижней губе, медленно, обжигающе, и я непроизвольно приоткрываю рот, вдыхая. Его глаза темнеют еще больше, в них загорается пламя, которое обещает и пугает одновременно.

— Милана, — повторяет он, наклоняясь ближе, так близко, что его губы почти касаются моих. — Говори. Сейчас.

Я должна сказать «нет». Должна оттолкнуть его, попросить времени, объяснить, что не готова. Это было бы разумно, правильно, логично.

Но вместо этого мои руки сами тянутся к его рубашке, пальцы сжимают ткань, притягивают его ближе.

— Я... — начинаю я, и мой голос дрожит. — Я не знаю...

— Тогда я решу за тебя, — шепчет он прямо мне в губы, и в следующее мгновение его рот накрывает мой.

Жестко. Властно. Голодно.

Это не тот поцелуй, что был раньше. Это не просто притяжение или желание показать власть. Это чистая, неконтролируемая страсть, которая сжигает все на своем пути.

Его руки скользят по моей спине, одна запутывается во влажных волосах, другая обхватывает талию, притягивает меня так близко, что между нами не остается ни миллиметра пространства.

Он хочет меня. Прямо сейчас. И мое тело откликается на это желание так остро, что я едва сдерживаю стон.

Тамерлан отрывается от моих губ, и его рука начинает медленно распускать узел полотенца на моей груди.

— Останови меня, — шепчет он между поцелуями, и его дыхание обжигает мою кожу. — Останови меня сейчас, Милана. Потому что если ты не остановишь... я возьму тебя. Прямо здесь. Прямо сейчас. Сделаю своей женой не только

на бумаге, но и на деле.

Его пальцы дергают за край полотенца, и оно начинает сползать. Еще секунда, и я буду обнаженной перед ним. Еще секунда, и пути назад не будет.

Я должна остановить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.